
Интер Бабушкин
Инк-Вой — водяной зверь
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК, 1966

Интер Бабушкин

Инк-Вой — водяной зверь

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК, 1966

Автор этой книги — Интер Васильевич Бабушкин по профессии геолог. Он большой любитель и знаток природы и уже выступил как автор книг «С ружьем и без ружья» и «Из записной книжки фотоохотника».

«Инк-вой — водяной зверь» — рассказ о том, как группа студентов выполняла задание по отлову бобров в Ильменском заповеднике. Рассказ этот привлечет внимание юных туристов и краеведов, всех, кто любит природу, кто хочет больше знать о родном крае, о его красивейших уголках.

Книга содержит интересный познавательный материал, изложенный живо, со свойственным автору юмором.

Бабушкин Интер Васильевич

ИНК-ВОЙ — ВОДЯНОЙ ЗВЕРЬ

Редактор *И. Круглик.*
Художник *Ю. Ефимов.*
Художественный редактор *Ю. Сакнынь.*
Технический редактор *Л. Асс.*
Корректоры *С. Яковлева, М. Казанцева.*

Подписано к печати 15/VI 1966 г.
НС 23 164
Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$=1 бум.—3,36 печ. л.
Уч.-изд.л. 3,34.
Тираж 15 000 экз. Изд. № С-329.
Заказ 309. **Цена 10 коп.**

Средне-Уральское Книжное Издательство.
Свердловск, ул. Малышева, 24.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.



КАК ВСЕ ЭТО НАЧАЛОСЬ

Знаете ли вы, как ловят бобров? Не знаете. И мы тоже не знали. Мы — это четыре студента-геолога и один школьник. Всем вместе нам не было еще и ста лет. Студентов звали Ося, Моня и Вася. Это прозвища, но в повседневной жизни мы пользовались только ими. Во-первых, это позволяло различать двух Германов, во-вторых, они были короче имен, а в-третьих, посторонние не знали, о ком идет речь. Вообще каждый студент нашей группы имел прозвище, и только ко мне никак не приживалось ни одно. Возможно, потому что мое имя — Интер — не имело конкурентов во всем институте и само походило на прозвище.

Вам, конечно, интересно узнать, почему вдруг геологам поручили ловить бобров? Дело в том, что охотничий клуб, членами которого мы все были, решил

в одном из своих хозяйств, расположенных в глухом лесном уголке на речке Полдневая Сысерть, выпустить несколько семей бобров. Эти заповедные леса и болота самой природой созданы для бобров: небольшие ручьи, заболоченные низинки, заросшие осинником, ольхой и березняком, густые заросли камыша, и ни одной деревни вокруг.

Бобры очень полезны для охотничьего хозяйства. Питаясь в основном осиной, ольхой, кустарником, растущим по берегам и в поймах рек, бобры заготавливают на зиму большое количество древесины. Но они используют только стволы и крупные ветки. Позже, когда глубокий снег закроет землю, плохо приходится зайцам. Вот здесь-то и спасают мелкие ветки, брошенные бобрами. Порой даже лось не прочь полакомиться этими остатками. В прудах, построенных бобрами, гнездятся различные утки, кулики и прочая болотная мелочь.

Но, чтобы выпустить бобров, нужно сначала поймать их. Несколько лет назад бобров завезли в Ильменский заповедник, они здесь прекрасно прижились и развелись настолько, что можно было без ущерба отловить несколько штук. Вот нам и поручили это сделать. Мы стали деятельно готовиться к экспедиции.

▽

Любое путешествие, пусть это будет всего-навсего воскресная вылазка за город, состоит из нескольких этапов.

Первый этап — это путешествие в мечтах. Здесь вы свободны в выборе места и способа передвижения. Мечта может забросить вас на ледники Антарктиды или в дремучие джунгли Индии. В мечтах вы можете попасть на Луну или Венеру даже до того, как там высадятся первые советские космонавты. В общем, на этом этапе полная свобода и независимость. Но вот вы останавливаетесь на каком-то одном, доступном в настоящий момент, варианте. Для одних это будет путевка в санаторий, для других тяжелый рюкзак, дым костра и уха из только что наловленной рыбы.

Второй этап — выбор товарищей. Вы соблазняете их существующими и даже несуществующими прелестя-

ми маршрута. Рыбакам рассказываете о метровых тайменях, охотникам о тысячах уток и сотнях медведей. Вы стараетесь подобрать ключ к каждому. Но будьте осторожны,— это, пожалуй, самый ответственный этап. Не всякий знакомый может быть спутником в походе. Иной милый, обаятельный товарищ может оказаться невыносимым нытиком и испортит отдых всем.

Но вот подобрана команда, окончательно утрясен маршрут, пора переходить к третьему этапу — подготовке путешествия. Он начинается с изучения всевозможной литературы, составления карт и списка необходимого снаряжения. Здесь все зависит от особенностей маршрута и увлечений ваших спутников, а главное — от транспортных возможностей. Если у вас девяносто лошадиных сил «Волги» последней модели или даже двадцать пять «Запорожца», то можно взять с собой матрацы, теплые одеяла, наволочки, газовые плитки, термосы и даже выходные костюмы. Кое-что дополнительно можно прихватить и при путешествии на плотах или лодках. Ну, а если в вашем распоряжении всего одна туристская сила, то приходится экономить каждый грамм.

Четвертый этап — это само путешествие. О нем, пожалуй, пока не стоит говорить. Лучше отправляйтесь сами в поход. Куда? Да куда угодно, можно просто в лес на воскресенье. Но, отправляясь в путь, не забудьте, что есть еще один очень приятный этап путешествия — воспоминания о нем. Этот этап может длиться многие годы. Поэтому не оставляйте дома фотоаппарат или альбом, тетрадь или геологический молоток. Из каждого путешествия привозите с собой что-нибудь на память — камень, гальку, причудливый корень или просто еловую шишку. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежит зеленая глыба амазонита, напоминая о голубых озерах Ильмен, о зеленых горах и коричневых скалах, ну и, конечно, о бобрах. Здесь же и альбом с фотографиями, старые кальки с нанесенными маршрутами нашего путешествия, отчет о нем и, конечно, дневник, так сказать, бортовой журнал нашего корабля. Дневник вел я, но и остальные члены экипажа по настроению, изредка прикладывали к нему руку. Вот по этому дневнику, своим воспоминаниям, фотографиям и написана эта небольшая книга.

Позвольте сделать еще одно отступление, представить вам участников этой экспедиции.

Наш квартет образовался на первом курсе. Мы неожиданно встретились на собрании охотничьей секции, а подружились уже на охоте. Много дней провели мы, бродя по лесным закоулкам, озерам и болотам, ночуя у костра. И странно, несколько дней охоты сдружили нас крепче, чем несколько месяцев совместной учебы, хотя мы все учились в одной группе.

Ося — балагур, любитель позубоскалить и хороший баскетболист. Он даже несколько раз выступал за сборную института, и только небольшой рост не позволял ему прочно обосноваться в ней. Играть с ним легко. Никогда во время игры он не делает грубых замечаний, просто скажет: «Спокойно, мальчики, ничего не будет, по местам» — и все.

Ося и Моня — давнишние друзья, еще по школе. В противоположность своему другу Моня значительно тоньше и выше его. Моня живет на берегу Верх-Исетского пруда, и никто из нас не может сравниться с ним ни по плаванию, ни по прыжкам в воду. Но больше всего он любит яхты. Если летом Мони нет дома, значит, он на берегу, в яхт-клубе. Стройная загорелая до черноты фигура Мони, кажется, приросла к стремительной яхте. Когда он переводит свое суденышко на другой галс, то даже старые «морские волки» одобрительно крякают. К охоте Моня приобщился не без помощи Оси, который с детства привык бродить с отцом по лесам.

Я также с малых лет пропадал с приятелями в лесу. Это, пожалуй, единственное мое большое увлечение.

Вася попал на собрание охотников, кажется, случайно, но... увлекся и стал заядлым охотником. Между прочим, в течение года он научился сносно стрелять, несмотря на плохое зрение. Кроме охоты, Вася увлекается математикой и геологией. В нашей рыже-русой компании он выделяется черной и густой шевелюрой.

Пятого участника экспедиции, моего брата, звали Юркой. Он учился в восьмом классе и тоже хотел стать геологом, а для этого записался в геологический кружок при Дворце пионеров и без разбора читал все мои книги и учебники. Юрка несколько месяцев ходил за мной, упрашивая взять в поход. Сначала я был катего-

рически против, но после того, как Юрке удалось разжалобить Осю и Васю, мне пришлось сдаться. Так нас стало пятеро.

Мы начали сразу с третьего этапа, с изучения литературы, потому что все наше походное снаряжение (оно же охотничье) постоянно находилось в полной боевой готовности.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА

Итак, все полетело в тартарары. Подготовку к походу пришлось начинать сначала. Туристское путешествие превратилось в выполнение ответственного задания. Шутка сказать — поймать живых бобров. Сначала мы с радостью согласились.

— Вот это да, это дело! — пробасил Ося, когда я рассказал о предложении охотничьего клуба. Вася и Моня, глубокомысленно прикинув все за и против, через три секунды также выразили свое согласие. Но это через три секунды. А через три недели мы уже жалели, что согласились на это предложение. За это время, пересмотрев кучу книг, мы не нашли ответа на вопрос: как и чем ловить бобров? Хотя узнали массу нужных и ненужных вещей. В Малой Советской Энциклопедии было написано: «Бобр — водное млекопитающее отряда грызунов. Длина тела до 1 м, хвоста — до 30 см. На ногах имеются перепонки, хвост широкий, плоский, покрытый чешуями. Губы смыкаются позади резцов, что позволяет бобру грызть под водой. Мех бобра очень ценен; состоит из остевых волос (двух родов) и густой шелковистой подпушки. Окраска меха от светло-каштановой до темно-бурой. Питается исключительно растительной пищей. Селится в норах и хатках (высота до 2,5 м, в основании до 12). На мелких реках устраивают плотины. В раннее историческое время бобры были распространены на большей части территории Европы, на севере Азии и Северной Америки. В результате хищнического промысла сохранились только отдельные поселения бобров в Европе (Франция, Польша, Норвегия, СССР) и Азии. В СССР и в Северной Америке довольно многочисленен. Благодаря охране и реакклиматизации, поголовье бобров ежегодно увеличивается. В США проводится строго ограниченный отстрел. В СССР созданы бобровые заповедники (Воронежский, Кондо-Сосьвинский)».

Из других книг мы узнали, что по-латыни бобр называется Castor fiber, по-ненецки — ледянг, по-мансийски — инк-вой. Это последнее название больше всех понравилось нам. Слово инк-вой (в переводе это означает — водяной зверь) пахло романтикой, напоминало что-то индейское.

Но все эти сведения ни на шаг не продвинули нас в решении вопроса о ловле бобров.

Наконец, кто-то посоветовал обратиться за помощью в биологический институт. Нашим шефом стал кандидат наук Силантьев. Бобров он знал хорошо, так как несколько лет работал в Кондо-Сосьвинском заповеднике. И вот дело начало понемногу проясняться, и в результате совместных усилий одного ученого и четырех студентов был выработан до гениальности простой план лова.

Бобры ведут ночной образ жизни, то есть ночью они питаются и бодрствуют, а днем спят, забравшись во внутрь бобровой хатки. Из хатки имеется несколько подземных выходов в воду.

Наш стратегический план предусматривал два этапа наступления. В первый день провести разведку, то есть обнаружить все выходы из хатки. Через несколько дней, когда бобры успокоятся и вернутся домой, команда боб진ловов, вооруженная специальными заслонками, тихо подкрадется, займет исходные рубежи и, выждав некоторое время, закроет все выходы. Бобры попались. Затем, заменив одну-две заслонки специальными сачками, станем выгонять зверя из хатки. Бобры, убегая из хатки, попадут в сачок, а оттуда в клетку. Вот и все. Просто и ясно.

Итак, теоретическая часть была закончена. Настала пора технического оснащения экспедиции. Для того чтобы поймать бобров, нужно было изготовить сачки, а для того чтобы бобров перевозить, нужны транспортные клетки. Этим мы и занимались весь май.

Наиболее легким оказалось изготовление сачков. У одного из знакомых рыбаков удалось выпросить старый бредень, который и пустили в дело. Гораздо трудней было с клетками. В книгах мы разыскали несколько конструкций. Выбрали наиболее простую и надежную. Материал получили при содействии охотничьего коллектива университета.

Университетский завхоз привел нас во двор и, показав на груду потемневших от времени и дождя досок, сказал, что мы можем здесь взять, что нам надо. Это были остатки сарая, построенного, по-видимому, в начале нашего века и развалившегося от старости.

Тщательно разработанная и вычерченная на листе ватмана конструкция клетки оказалась ни к чему. Приходилось исходить не из чертежа, а из наличия материала.

Мы произвели разделение труда. Я, как бывший столяр, взял на себя с братом изготовление клеток, а Моня, Вася и Ося стали приводить в боевой порядок остальное снаряжение экспедиции.

Через месяц клетки были готовы. Мы изготовили их из досок и обили внутри старым кровельным железом. В такой же клетке можно перевозить не только бобров, но даже носорога, если он, конечно, вошел бы туда. В общем, сделаны некрасиво, но на совесть.

Пока мы с братом делали клетки, Моня и Ося готовили рыболовные снасти, Вася снимал копии карт и изучал геологию и минералогию заповедника.

Но вот все дела позади. Завтра утром в заповедник идет грузовая маши-



на, которая прихватит наше снаряжение. Последний раз проверяется список всего, что необходимо взять с собой. Набирается так много, что появляется опасение — машина, чего доброго, всего этого не заберет.

Вот примерный список нашего снаряжения:

1. Транспортные клетки для перевозки бобров, размером 50×50×150 см — 2 штуки (вес по 60 кг каждая).
2. Сеть для сачков (старый бредень).
3. Рюкзаки (полные личных вещей) — 5 штук.
4. Подводное обмундирование — 1 рюкзак.
5. Литература: О ловле и жизни бобров — 6 книг. Справочник путешественника и краеведа — 2 тома (по 500 стр.). Путеводители по Ильменскому заповеднику — 3 штуки. «Рыбы России» Сабонеева, 1909 г. издания (500 стр.) и другие книги по ловле рыбы — всего 4 книги. Охотничья литература — пять книг.
6. Ружье и рюкзак с боеприпасами и приспособлениями для ухода.
7. Рыболовные снасти (лески, крючки, грузила, поплавки и т. д.) — небольшой чемодан.
8. Два фотоаппарата — «Зоркий» и «Комсомолец» с запасом пленок.
9. Кухонные принадлежности: ведра, котелки, ложки, чашки.
10. Канцелярские принадлежности: блокноты, калька, авторучки, карандаши и резинки (полная полевая сумка).
11. Инструменты: топор, плоскогубцы, гвозди, проволока, молотки (они же геологические).
12. Два бинокля — один полевой и один театральный (все, что удалось достать).
13. Три геологических компаса, один туристский и один ученический (по одному на каждого).

Общий вес багажа экспедиции выразился крупной цифрой — четверть тонны.

Машина подошла к вечеру. Наши опасения были не напрасны. Она оказалась полуторкой, к тому же почти полностью загруженной каким-то оборудованием. Пришлось изрядно попотеть, прежде чем освободилось место для нашего снаряжения. О том, чтобы разместиться самим, не могло быть и речи. Бедная машина была навьючена на метр выше кабины, и шофер мог

взять лишь одного пассажира. Это существенно подорвало нашу экономическую базу. Решаем, что с машиной поеду я, а ребята прибудут через два дня поездом.

ПЕРВАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Выехали мы рано утром, когда город еще спал. На улицах попадались лишь дворники, лениво разгонявшие пыль на тротуарах, да редкие прохожие. И вот старенькая полуторка неторопливо глотает километр за километром. Проскочили Арамиль, Ольховку, пропетляли по Сысерти. По обе стороны дороги тянется сплошная стена золотисто-зеленых сосен, а сама дорога то взбирается на гору, то сбегает с нее узкой полосой блестящего от утреннего тумана асфальта. Справа от дороги промелькнул транспарант — «Сысертское приписное охотничье хозяйство. Охота запрещена». Знакомые места! Сюда, в это хозяйство, и хотят выпустить бобров, тех самых... еще не пойманных нами.

Или шоферу некуда спешить, или просто он не может выжать из своей машины больше, но только спидометр упрямо дрожит где-то между двадцатью пятью и тридцатью километрами. Нас то и дело обгоняют не только «Победы» и «Москвичи», но и даже грузовики. Горы кончились как-то незаметно, так же незаметно кончился и сосновый бор. Большие зеленеющие поля перемежаются с березовыми колками. То слева, то справа блестят круглые, как блюдца, озера, заросшие высокими камышами.

К обеду добрались до Челябинска. Дальше тракт свернул на запад. Снова появилась сосна, снова дорога начала качаться с горы на гору. Ильменский заповедник расположен на восточных предгорьях Южного Урала, на границе с Зауральской равниной. Это последний восточный форпост древнего Урала. Дальше на восток идут лишь небольшие холмы и увалы.

В заповедник приехали поздно вечером. Мы не стали никого беспокоить и заночевали в машине.

База заповедника приткнулась к южному склону Ильменского хребта. Бревенчатые коттеджи, словно убегая друг от друга, рассыпались по лесу. Здесь живут и работают геологи, биологи, ботаники. Это — единственный в мире минералогический заповедник, где сохраняются в неприкосновенности земные богатства.

Администрация заповедника встретила мой приезд более чем сдержанно. Дело в том, что Ситников — заведующий биологической частью — уехал в отпуск (о чем нам якобы было своевременно сообщено), мы, конечно, никакого письма не получали. Оно, по-видимому, застряло где-то. Ругайся не ругайся, а экспедиция со всем оборудованием уже прибыла на место, завтра-послезавтра прибывают остальные участники, и нужно что-то предпринимать. Решили вызвать Ситникова на несколько дней из отпуска. Он сможет приехать не раньше чем через шесть-семь дней. А пока мы должны отдыхать, готовиться к походу и, главное, не мешать другим работать. Некоторое затруднение вызвал вопрос с жильем, но и он довольно быстро уладился. Нас разместили в туристском лагере на берегу Ильменского озера. Вернее, разместился пока я и стал ждать ребят. Но ни вечером, ни утром, ни даже на следующий вечер я их не дождался. И вдруг, на второе утро, зайдя в контору заповедника, узнаю, что ночью приехали мои товарищи и их направили ко мне в туристский лагерь. Вот так номер, куда же они делись? Пришлось вернуться в лагерь. Там никого не оказалось. Они потерялись где-то на двухкилометровом отрезке между станцией и туристским лагерем. Поскольку здесь одна дорога, то заблудиться невозможно. Куда же они делись?

Встретились мы на вокзале уже вечером. Ребята были злы, небриты и голодны. Поэтому мы прежде всего отправились в столовую, где они съели по два полных обеда и даже прицелились на третий, но вовремя одумались.

— Как же вы оказались без денег? Ведь я оставил вам на дорогу и на питание! — удивлялся я.

— Да это Ося нам устроил, по знакомству, так сказать,— усмехнулся Вася.

Оказывается, купить билеты было поручено Осе, а он, вместо того, чтобы пойти в кассу, попросил своего отца заказать билеты в кассе брони. Одним словом, когда приехали с вещами на вокзал, то в кассе их ждали четыре билета... в купированный вагон. Выбирать было некогда, но на еду почти ничего не оставалось. Злоключения на этом не кончились. В Челябинске потерялся в толпе Вася, и, пока его искали, ушла днев-

ная электричка. Пришлось ожидать вечернюю. Голодные и уставшие члены экспедиции только ночью прибыли на место. Я не ждал их так поздно и, конечно, не встретил. На базе заповедника сидел лишь ночной сторож, который послал их в туристский лагерь. Но на беду несчастных бобрятников на берегу Ильменского озера расположены два туристских лагеря. Один небольшой — общества «Буревестник», в котором поместился я, второй — туристская база, похожая скорее на дом отдыха. Редкие прохожие, попадавшиеся ребятам, знали только эту базу, куда и показали дорогу. Она располагалась на другой стороне озера. Добираться туда глухой ночью не имело смысла, и ребята до рассвета пережидали на станции, а утром отправились на базу. Там, конечно, никто ничего не знал.

Но сейчас все позади. В лагере нам выделили огромную брезентовую палатку-шатер, немного дырявую, но зато полную старых тюфяков. В общем, мы не очень расстроились неожиданно свалившейся на нас неделей отдыха. Рядом — озеро, полное рыбы, под ногами почти сказочные богатства Ильмен. Что еще нужно настоящим рыбакам и будущим геологам?

СОКРОВИЩА ПОД НОГАМИ

Весь следующий день мы пропадали на копях. Это — старые горные выработки, где добывали когда-то самоцветы или поделочные камни. Работать в них сейчас нельзя, но можно сколько угодно копаться в отвалах, а там иногда попадаются такие находки, что ахнешь.

Почти рядом с лагерем спряталась в лесу амазонитовая копь. Синевато-зеленые, блестящие, как стекло, россыпи амазонского камня кучами насыпаны под старыми соснами. Масляно-тускло блестит на солнце нефелин. Причудливыми узорами разбегаются по голубому полю угловатые птички кварца, напоминающие древние иероглифы. Косо вниз уходит узкая щель старой выработки. Стенки во многих местах обвалились, заросли травой, но кое-где еще проглядывает драгоценная бирюза камня.

Серебряными колокольчиками звенят в кустах птичьи голоса. Лучи солнца, прорезав зеленый свод леса, острыми пиками ударяют в лежащие на земле сокровища, высекая тысячи крошечных искр.

На горе, возле памятника Ленину, расположилась копь биотита — черной слюды, той самой, что маленькими точками блестит в граните. Здесь этот минерал образует огромные, чуть не в полметра, правильные шестигранные кристаллы.

Мы тащим в нашу палатку все, что попадется под руку. И скоро целый угол оказывается завален огромными глыбами амазонита, письменного гранита, кусками лунного камня, образцами миаскита, талька и многих других минералов и пород, которыми так богаты Ильмены. И хотя мы знаем, что не сможем увезти с собой и десятой доли этой коллекции, страсть к собирательству не остывает. Куча в углу продолжает расти, все время кажется, что новые образцы лучше тех, которые уже есть.

На туристской базе тихо и спокойно. Все приезжающие по путевкам три-четыре дня готовятся к походу и затем уходят. После двухнедельного похода они отдыхают день-два и разъезжаются по домам. Сегодня пришли из похода несколько групп. Это студенты Москвы, Киева, Свердловска. Вечером был большой костер и концерт самодеятельности — своеобразное традиционное соревнование между группами. Все туристы хорошо спелись за две недели, и жюри довольно трудно было отдать предпочтение той или иной группе.



Но все же из всех групп одна выделялась звонкостью голосов и юмором, ей и был присужден приз — торт.

Еще не рассвело, когда мы с Осей вылезли из палатки и, достав весла, припрятанные в кустах, отправились на озеро. В лагере была только одна лодка, огромная, четырехвесельная, в которой свободно может поместиться добрый десяток рыбаков. Около лодки уже кто-то был. Мы посветили фонариком и увидели пожилого мужчину с коротко остриженными волосами, одетого, как и мы, в брезентовый плащ и резиновые сапоги. Мы сразу узнали его — он был из той команды, которая вчера выиграла торт. К лодке были прислонены бамбуковые удочки.

— Ребята, возьмите меня порыбачить,— обратился к нам турист.

Мы с Осей переглянулись. Честно говоря, не хотелось брать в лодку чужого человека, но и отказать было неудобно. Ося сел на весла, а мы с новым знакомым расположились на корме.

— Вы, что, новая смена?

— Да нет, мы так, сами по себе.

— Дикари, значит,— сделал он заключение.

— Да нет, мы по делу приехали,— ответил я.

Тяжелая лодка с трудом продвигалась вдоль кромки камышей.

— Вы кого собираетесь ловить? — снова обратился к нам мой сосед.

— Окуней.

— Ну, тогда нужно грести вон в ту курью,— показал он рукой,— там ямка есть, хорошие окуни берут.

Ося направил лодку к указанному месту. Начинало светать. Тяжело плюхнув, пошел ко дну камень, привязанный к веревке. Ося тихо выругался: поскользнувшись, он выронил за борт якорь, вместо того, чтобы тихо опустить его на дно. Забросили удочки каждый со своей стороны и уставились на неподвижные поплавки. Первые три рыбки поймал я, это были два небольших окунька и один чебачок с палец величиной. Поглядывая с видом победителя на своих спутников, я снова забросил удочку. Но мои успехи не произвели на них никакого впечатления.

Скоро начал таскать Ося. Его окуни были в несколько раз крупнее. Последним поймал наш новый

знакомый. У него на крючке оказался красавец окунь граммов на четыреста. Ловля шла с переменным успехом. Ося и Николай Васильевич — так звали нового знакомого — по числу поймали меньше рыбы, но зато она у них была крупней. Мы сварили уху для нашей экспедиции и группы Николая Васильевича. Он оказался мастером спорта по туризму и рассказал нам, как целое лето водил в походы группы молодежи, а ведь ему уже 65 лет. Раньше он работал слесарем на одном из заводов Челябинска, а сейчас на пенсии.

Вечер мы провели как нельзя лучше. В «команде» Николая Васильевича было несколько девушек из Свердловска, так что у нас сразу нашлись общие знакомые. Девушки пели. Мы, в силу своих возможностей, старались не очень испортить их слаженный хор.

На следующий день на базе снова стало тихо. Все туристы разъехались, а новая смена еще не прибыла. Сейчас здесь находился только обслуживающий персонал и несколько инструкторов, приехавших принимать группы. В основном это были студенты старших курсов Челябинского политехнического института, и казалось, что у нас с ними должны были быть общие интересы, но получилось так, что мы сдружились лишь с одним Николаем Васильевичем, хотя он был намного старше каждого из нас.

Погода стояла жаркая, за все время не только ни разу не было дождя, но, по-моему, солнце ни разу не скрывалось за облака. Мы проводили все время в лесу или в воде. В город, если была необходимость, ходили рано утром, когда солнце еще не успевало накалить воздух и землю.

Берега Ильменского озера заболочены почти на всем протяжении, так что купались мы обычно с лодки. Наша компания по отношению к солнцу разбилась на две неравные группы. Двое могут жариться на солнце целый день — это наши основные заготовители рыбы Ося и Моня, а остальные, то есть Вася, Юрка и я, в первый же день получили ожоги и сейчас предпочитали оставаться в тени. Особенно пострадал Юрка. Он дозагорался до волдырей, которые во многих местах лопнули, особенно на плечах и спине, так что пришлось даже обратиться к врачу. С такими плечами он, конечно, не сможет носить рюкзак.



А если придется целый день возиться в грязной воде, чего доброго, получит и заражение. В общем, сегодня вечером он отправляется домой. Итак, первая потеря. Нас остается четверо.

Снова настал день заезда. С утра база готовится к приему новой партии туристов. Все носятся, как угорелые. Даже мы, не имеющие никакого отношения к торжественной встрече, превратились в тягловую силу, причем, не в переносном, а в прямом смысле. Лошадь, на которой возили воду, повредила ногу, и в самый критический момент кухня осталась без воды. Тетя Дуся, повариха, чуть не плакала с досады. Пришлось нам впрягаться в телегу и выручать тетю Дусю.

ЗАСЕДАНИЕ ГЕНШТАБА

После обеда идем в музей. Музей заповедника — это не только то, что размещено в его залах. Музейные образцы горных пород лежат во дворе, музеем можно назвать и копи вблизи базы, да, собственно, весь заповедник — природный музей, единственный в своем роде. Но нас интересовал сам музей, то есть те залы, где размещены экспонаты. То, что расположено вблизи базы, мы уже успели осмотреть за эти дни, а с заповедником и его обитателями нам предстояло ознакомиться в самое ближайшее время. К сожалению, музей был закрыт на ремонт, и нам с трудом удалось уговорить смотрителей пустить нас хотя бы на пару часов. Мы переходили от минералогических коллекций к много-

численным чучелам птиц и зверей. Надо сказать, что расположены они очень натурально. Вот волки, нападающие на косулю, а вот и группа бобров у своей хатки. На стеклянных витринах гигантская щука длиной больше метра, пудовый карп, гигант-окунь, что-то около трех килограммов весом.

Мы еще бродили по музею, когда прибежал паренек из конторы и сообщил, что прибыл Лев Григорьевич Ситников и ждет нас к себе. Заведующий всей живностью заповедника оказался маленьким (даже ниже Оси), но чрезвычайно подвижным черноволосым мужчиной, с очень тонким интеллигентным лицом и большими руками, на которых четко обозначились вздувшиеся синие вены и многочисленные царапины. Он был одет в старый черный халат с единственной сохранившейся пуговицей.

Ситников встретил нас приветливо, усадил за стол, извинился, что должен минут на двадцать отлучиться из-за неотложных дел, и исчез из комнаты. Небольшая чисто побеленная комната была вся залита веселым солнцем. На стене висела схема заповедника, рога оленей с этикетками, на которых значилось, где и когда добыт или найден экспонат, возраст, латинское название и еще какие-то непонятные для нас обозначения. На столе лежали два белых черепа с оранжево-желтыми зубами. Этикеток на них не было, но я сразу определил, что это черепа бобров, недаром мы два месяца потели над книгами. На другом столе стоял микроскоп и лежала стопка исписанных листов бумаги. В соседней комнате, куда была приоткрыта дверь, виднелся стол, вернее верстак с кучей жестяных труб и каким-то самодельным прибором непонятного назначения. В застекленных шкафах стояло множество книг в старых, выцветших переплетах. Пока мы с любопытством разглядывали все это, вернулся хозяин. Он сразу приступил к делу. Лев Григорьевич ни словом не высказал недовольства тем, что непрошеные гости прервали его отпуск. Расспросив, кто мы такие и как собираемся ловить бобров, он сказал:

— Ну, что же, попытайтесь, хотя, честно говоря, я не особенно верю в удачу. Мы здесь ни разу не ловили бобров с тех пор, как они были выпущены, так что, кроме общих советов, ничем помочь не можем.

Я показал ему статью, где подробно описывалась методика отлова.

— Здесь все изложено довольно толково, я только боюсь, что бобры сейчас почти не живут в хатках, а больше находятся во временных норах и убежищах и застать их врасплох довольно трудно. Но, как говорится, попытка не пытка.

Он достал из стола схему, точную копию висящей на стене, но сплошь исчерканную непонятными значками, линиями и надписями.

— Давайте-ка посмотрим. Бобры живут сейчас частично в тех местах, где мы их выпустили, частично сами расселились, а кое-где даже вышли за пределы заповедника. Но не везде можно их взять. Отлавливать будем, во-первых, в наиболее доступных местах, а во-вторых, там, где их побольше. Вам нужны или две полные семьи или 5—6 взрослых особей. Я приблизительно наметил места отлова,— он показал на карте крестики.— Вы начертите себе схему, а я пока набросаю кое-какие советы.

Пока Вася копировал на кальку нужную нам часть заповедника, Лев Григорьевич исписал несколько листов бумаги и подал мне. Это была своеобразная инструкция — где и сколько можно отловить бобров и как их найти.

— В общем, мы примем следующий порядок работы,— обратился он к нам.— Завтра утром мы на мотоцикле объедем все намеченные места, я покажу, как туда пройти. Затем вас забросят на машине на самый север заповедника, а дальше наблюдатели на лошадях по мере надобности будут перевозить вас с места на место. Я с вами сейчас не поеду, но мы еще увидимся, недельки через две я вас разыщу. Ловить будете так, как здесь написано,— он похлопал по журналу со статьей.— Кроме того, вам разрешается раскопать одну из хаток. Завтра мы наметим, где можно это сделать. Но обязательно набросайте чертеж и подробно опишите эту хатку. Сколько у вас клеток?

— Две, на два отделения.

— Ну что ж, да у нас еще сохранились две, в которых мы привезли бобров. Вполне достаточно. Да, еще один совет,— будьте осторожны: бобры кусаются и могут сильно поранить. Их надо хватать за передние

лапы, стоя сзади. Тогда они не смогут укусить — шея-то у них короткая. Впрочем, с вами будет еще наблюдатель, человек опытный, вы его советами не пренебрегайте.

На этом, собственно, официальная часть была закончена, но мы еще просидели часа два. Лев Григорьевич очень интересно рассказывал о бобрах и других обитателях заповедника. Расстались мы, как мне кажется, довольные друг другом.

ЗНАКОМСТВО С ИНК-ВОЕМ

Я встал рано утром, оделся по-походному, захватил продукты и отправился на базу. Ситников уже возился со своим мотоциклом. Это был старенький ИЖ-49. Казалось, что он побывал не в одной серьезной аварии — столько на нем было вмятин и царапин. К мотоциклу приделана самодельная коляска, похожая на обычную детскую ванну (а может быть, это она и была). Укреплена она была на раме с помощью четырех пружин, напоминающих спираль огромной электроплитки. На дне ее было постелено ватное одеяло, конец которого забрасывался на заднюю спинку. Я не без страха сел в это сооружение, подумав, что на первом же нырке из него можно вылететь. Держаться было не за что.

Ситников взял, как говорится, с места в карьер, и я, подпрыгнув на метр над мотоциклом, благополучно приземлился в траву кювета. Пружины действовали безотказно. Больше я не пожелал сидеть в детской ванночке, и весь остальной путь предпочел провести на заднем сиденье. Здесь, по крайней мере, была ручка, за нее можно было держаться.

Хорошее шоссе, идущее вдоль западного склона Ильменского хребта, бежало рядом с рекой Миасс. Река то подходила к самой дороге, то терялась в густых зарослях, где-то на той стороне широкой долины. На западе, за долиной реки, синели вершины главного Уральского хребта. На востоке крутым склоном поднимался Ильменский хребет. До северной границы заповедника мы доехали быстро, здесь всего каких-нибудь сорок километров. Дальше дорога повернула на восток, нам нужно было перевалить через хребет. Дорога была обычная, лесная, грязная и разбитая. Надо отдать должное Льву Григорьевичу: мне часто прихо-

дилось ездить на мотоциклах, но ни до этого, ни после я не встречал такого водителя. Ситников вел мотоцикл виртуозно. Он, видимо, любил быструю езду и прекрасно знал дорогу. Мы ехали со скоростью 60—70 километров в час по таким лесным дорожкам и тропкам, что просто страх.

Я никогда не думал, что на мотоцикле можно брать такие подъемы, какие брали мы, что можно стремительно спускаться по высохшему руслу ручья, сбегающему с высокой горки, что можно с огромной скоростью нестись по лесу без всяких дорог, виляя между соснами.

Наконец, мы перевалили хребет и повернули обратно на юг. Лесная дорожка вывела нас на старый покос, опушенный по краям густыми кустами. Ситников резко затормозил и выключил мотор.

— Смотри, олени!

Сколько я ни пытался, кроме кустов, ничего не мог увидеть. Лучи солнца, пробиваясь сквозь листья деревьев, ложились на траву и кусты яркими зайчиками. Внезапно солнечные зайчики зашевелились, и тут я увидел их. Олени стояли рядом с кустами всего метрах в двадцати от нас. Это была одна семья: взрослый самец с небольшими ветвистыми рогами, две самки и небольшой олененок. Животные испуганно поводили ушами, прислушиваясь к лесным шорохам, и подозрительно поглядывали в нашу сторону. Мы не шевелились. Первым не вы-



держал самец. Он громко фыркнул и исчез в кустах, на миг мелькнув «белой салфеткой». За ними кинулись остальные.

— Олень-цветок,— повернувшись ко мне, пояснил Ситников.— С Дальнего Востока привезли.

Дорога шла старым сосновым лесом. Это были две узкие колеи, чуть-чуть угадывающиеся сквозь бурную зелень различных трав. Огромные шляпы перезревших грибов то и дело выглядывали из-под развесистых папоротников.

— Ну, кажется, приехали,— крикнул Ситников, останавливая мотоцикл. Загнав машину под развесистый куст, мы пошли вниз по склону к блестевшему вдалеке озеру. Под ногами начала хлюпать вода, трава стала гуще. Мы с трудом пробирались сквозь заросли ольховника. Но вот и озеро.

— Это Арактабан,— сказал Ситников,— оно станет для вас основным местом отлова. А вот это работа бобров,— он показал на огромную осину, лежащую неподалеку от воды. Я недоверчиво посмотрел на Льва Григорьевича, не подшучивает ли он надо мной. Неужели эти, в общем-то не такие уж большие, зверьки повалили дерево диаметром почти в полметра?! Оно лежало вершиной к нам, словно зеленый холм, возвышаясь над землей. Листья были совсем свежие, они даже не успели повять, видимо, дерево повалили сегодня ночью. Несколько веток, толщиной в руку, были перегрызены бобрами на отдельные обрубки и лежали возле дерева.

— Дальше не пойдем, не будем лишний раз тревожить зверей,— Ситников сел на ствол поваленной осины и достал пачку «Дуката». Мы закурили.

— Вон видишь хатку? — он показал на группу берез, росших на небольшом заболоченном мыске. Хатки издали выглядели просто кучами сухих веток.— Это основная колония. Здесь живет четыре семьи. Одну вы можете отловить.

Показав, как лучше добраться к бобровому поселению, Ситников направился обратно к мотоциклу.

Снова мелькают золотистые сосны по краям дороги, где-то внизу, в просветах между деревьями, сверкнула вода, а через несколько минут мы подъехали к воротам лесного кордона.

— Вот здесь будете жить,— сказал Ситников, слезая с мотоцикла.

Домики лесного кордона пристроились на узкой полоске между озером и горным хребтом, заросшим лесом. В подворотню высунулась кудлатая собачонка неопределенного цвета, тявкнула неуверенно раза два, но, узнав Ситникова, вылезла и стала прыгать вокруг него, повизгивая от восторга. Мы прошли во двор, покрытый широкими деревянными плахами, и вошли в дом. Хозяина не было, нас встретила пожилая приветливая женщина в черном платке и синем цветастом переднике.

— Никона Тимофеевича нет сегодня дома, уехал на базу,— сказала она нам после приветствия.— К вечеру только вернется.

Марья Николаевна, пригласив нас сесть, захлопотала у большой русской печи, занимающей добрую половину комнаты. Недавно побеленная печь была разрисована яркими цветами, изображавшими что-то среднее между ромашкой и васильком.

— Кушайте,— она поставила перед нами огромную дымящуюся сковороду с жареной картошкой, залитой яйцами, чугунок с борщом и две кринки парного молока.

Через час мы поехали дальше. Я хотел заплатить за обед, но Ситников сказал, чтобы я не выдумывал, а то хозяйка обидится.

Дальше дорога стала значительно хуже. Здесь часто ходили машины и намесили грязи. Нам пришлось несколько раз слезать и катить мотоцикл. Сделали короткую остановку около Шитовского озера. Оно густо заросло осокой и камышом. Бобровые хатки были построены на этом плавающем ковре и имели выходы прямо вниз, в воду. Ситников привел меня сюда, чтобы показать хатку вблизи. Когда мы подошли к ней вплотную, раздался громкий всплеск, и только расходящиеся углом волны показывали, что под водой кто-то плывет, самого бобра видно не было. От бобриной колонии к берегу шло несколько узких канав, прорытых среди камышей и ивовых кустов.

— Это все бобры нарыли,— сказал мой экскурсовод.— Почти на километр тянутся. По ним бобры сплавляют деревья к колонии.

Даже не верилось, что к этим глубоким, ровным канавкам не была приложена человеческая рука.

— Ну, поехали, уже вечереет, а нам еще далеко добираться,— скомандовал Лев Григорьевич.

Мы снова свернули с основной дороги и пробирались по лесным тропинкам. Начали попадаться сухие деревья, их становилось все больше, и, наконец, мы попали в мертвый лес. Ни одной живой ветки на деревьях, ни криков птиц, ни шелеста листьев — только сухие сучья зловеще чернели на фоне серого неба. Мы ехали пять, десять минут по этому мрачному месту. Только высокая зеленая трава немного скрашивала зловещую черноту.

— Шелкопряд прошел,— объяснил Лев Григорьевич,— все съедает.

— Они совсем погибли? — спросил я его.

— Да нет, некоторые, возможно, отрастут.

Мертвая зона кончилась. Снова весело зеленели деревья, звонко пели птицы, и даже небо показалось светлей.

На развилке двух дорог Ситников остановил машину.

— Вот по этой дороге, здесь недалеко, с полкилометра, последняя колония, где вы можете отловить бобров. Вам ее покажет наблюдатель с Миасского кордона.

Из-за поворота навстречу нам вылетел мотоцикл. Это был родной брат нашего, только без коляски. В седле сидел огромный дядя с пышными казачьими усами, в телогрейке и сером танковом шлеме. Седок резко затормозил, и мотоцикл даже встал на дыбы, как норовистый конь.

— Вот, познакомьтесь,— наблюдатель с Ишкульского кордона, Никон Тимофеевич, а это — гости к вам, бобров ловить будут,— представил нас друг другу Ситников.

— Добре,— усмехнулся Никон Тимофеевич,— нехай ловят, может, что и выйдет. Когда вас ждать?

— Завтра,— ответил вместо меня Лев Григорьевич.— Вы им помогите разобраться, что к чему.

До базы мы добрались поздно вечером. Я еле дотащился до палатки и уснул, как убитый, не встав даже ужинать и не отвечая на расспросы любопытных бобрятников.

ПОСЛЕДНИЕ СБОРЫ

Снаружи доносился гомон голосов, бряканье посуды, скрип колодезного ворота и плеск воды. Я посмотрел на часы — половина шестого. Оглушительно чихнул Ося. Из-под плаща высунулась разлохмаченная Монина голова и просипела спросонок:

— Что там за сабантуй?

Затем голова снова исчезла. Ося, в одних трусах выскочивший из палатки, тотчас вернулся обратно.

— Туристы уходят, подъем! — он оглушительно свистнул.

Когда мы вышли из палатки, туристы уже выстроились. Перед каждым на земле лежал рюкзак, и инструкторы придирчиво проверяли правильность укладки вещей. Николай Васильевич, очень серьезный и подтянутый, давал последние советы. Он приветливо махнул нам рукой и снова начал что-то объяснять своим подопечным.

Но вот одна за другой, вытянувшись цепочкой, группы исчезли в лесу. На лесной поляне перед лагерем снова стало тихо. Пора и нам. Впереди куча дел, как всегда оставшихся на последний день. Во-первых, нужно купить продукты; во-вторых, собрать и уложить вещи; в-третьих, взять с аккредитива деньги, но прежде, конечно, договориться насчет машины. Вопрос с машиной решился просто и быстро, завтра утром на кордон «Олений» везут стройматериалы и по пути прихватят нас. Пока солнце не так печет, решаем сходить в Миасс — получить деньги и купить продуктов.

Еще раньше мы обратили внимание на то, что в Миассе многие дома построены как бы наполовину. Полдома (или две трети) украшено причудливыми узорами, а другая половина кое-как прилеплена. Встречались и еще более курьезные вещи. Шикарная, из тесаного гранита и глянцевого кирпича ограда с коваными воротами, а за ней — деревянная хибарка. Однажды мы остановились прикурить у дряхлого деда, сидевшего на каменной скамейке возле решетчатой с вензелями ограды. Ося не удержался и пошутил:

— К такой бы ограде да еще бы домик получше.

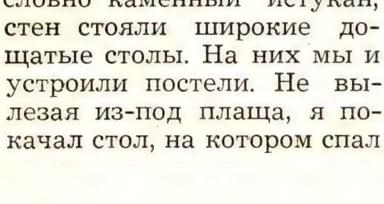
Дед усмехнулся и проговорил:

— Был бы и домик, кабы фарт не отвернулся,— и видя, что мы ничего не поняли, продолжал:

— Это старатель Санька Кривобоков дом строил. Давненько, лет, поди, восемьдесят назад. Ему, вишь, фартнуло, золотишко нашел. А денег-то хватило на одну ограду, остальные пропил, ну, а золотишко больше не пошло, отвернулся фарт-то.

Вот, оказывается, в чем дело! Я вспомнил, что читал про Миасс — это один из старых городов Южного Урала. Сперва здесь был медный завод — еще в восемнадцатом веке, потом он перешел на выплавку железа, а уж по-настоящему строиться город начал, когда открыли золото. Ну, это в прошлом. Сейчас Миасс — важный промышленный центр, здесь вырос крупный автомобильный завод и новые, современные кварталы. Но и сегодня еще сохранилось много примет старого горнозаводского Урала.

Из города мы доехали на попутной машине и сразу же отправились купаться, а потом укладывать вещи. Итак, отдых кончился.



РАЗВЕДКА

Утром мы проснулись от звонкого петушиного крика. Где-то за стеной кудахтали куры. В пыльные окна с трудом пробивались утренние лучи солнца, освещая огромную бело-серую печь, возвышавшуюся, словно каменный истукан, посреди комнаты. Вдоль стен стояли широкие дощатые столы. На них мы и устроили постели. Не вылезая из-под плаща, я покачал стол, на котором спал



Моня, тот не пошевелился. Пришлось пнуть посильнее. Из-под телогрейки высунулась Монина физиономия и вопросительно уставилась на меня.

— Вставай, ты сегодня дежурный,— обрадовал я его.

Мы приехали на кордон Ишкуль вчера вечером. Полдня добирались на лошадях с кордона Оленьего. Под жилье нам отвели отдельный дом, стоящий несколько в стороне от остальных построек. Раньше здесь помещалась рыборазводная станция, а сейчас он пустовал.

Поужинав, мы обсудили план действий на завтра. Было намечено провести рекогносцировочную вылазку на бобровую колонию. Вечером же были распределены дежурства. Дежурить решили по суткам. По жребию первым должен был дежурить Моня, и, пока остальные бобрятники потягивались, лежа на «мягких» постелях, он ломал возле дома сухие сучья для растопки.

— Чего вам варить? — спросил Моня, ставя на плиту ведро с водой.

— Лапшу или макароны,— ответил Ося, назначенный завхозом нашей экспедиции.

Плита, которую не топили, наверное, больше года, дымила. Дым белыми ядовитыми струйками вылезал не только из дверки печи, но и из многочисленных трещин, вдоль и поперек испещривших это огромное сооружение. Этот дым выгнал нас из дома раньше времени.

— Купаться! — радостно завопил Ося, вылетая в одних трусах на мокрую от росы полянку. Мы с Васей помчались за ним. Вода в озере была холодная и прозрачная. Мы с удовольствием плескались, чувствуя, как остатки сонливости бесследно исчезают и появляется совершенно зверский аппетит. Наконец-то с берега донесся звон гонга, приглашавшего на завтрак. Мы радостно откликнулись на него, но завтрак не состоялся. Вместо лапши в ведре плавал комок сырого скользкого теста, издававшего довольно сильный запах гари.

Оказывается, Моня засыпал лапшу в холодную воду, поставил на плиту и ждал, пока она сварится.

— Ну, чай-то хоть не пригорел? — вздохнул Ося.

Чай не пригорел, но не был заварен. Позавтракали консервами и хлебом с маслом.

После завтрака к нам заглянул Никон Тимофеевич.

— Ну, как устроились? — спросил он.

Мы бодро ответили, что все в порядке.

— Я вам сегодня нужен?

— Да, а то мы не найдем дорогу по озеру,— ответил я.

На кордоне было две лодки, одну из них выделили в наше полное распоряжение. На ней мы и отправились в поход. Мы — это я, Вася и Ося. Моня остался варить обед.

Никон Тимофеевич ехал впереди на одноместной долбленке. Мы еле поспевали за ним, хотя налегали на весла изо всех сил.

Озеро длинной блестящей лентой извивается среди горных хребтов, заросших лесом. Сегодня тихо, только скрип весел и плеск воды, ударяющей о днище лодок, разносится по озеру. Но вот у дальнего берега кто-то надсадно крикнул. Еще раз.

— Гагары,— обернувшись к нам, пояснил наш проводник.

Я посмотрел в бинокль, висевший у меня на груди. Около скалистого берега, среди редких тычинок камыша, плавало несколько крупных черно-бурых птиц с длинными шеями и смешными хохолками на голове. По мере того, как мы приближались к ним, они становились все беспокойнее. Мне хорошо было видно, как они вертелись на месте, не переставая громко кричать. Но вот птицы не выдержали и, словно гоночные глиссеры, понеслись по воде, оставляя позади себя белый пенящийся след. Разогнавшись, они тяжело оторвались от воды и, часто хлопая крыльями, исчезали за островом. Вася, бросив весла, спешил запечатлеть эту картину на пленку.

Снова размеренно скрипят весла, убегают назад расходящиеся по воде круги. Дорога кажется непомерно длинной. Но вот, наконец, мы въехали в болотистую курью, всю заросшую камышом и кувшинкой. Прямо из-под лодки с треском вылетело несколько уток.

Никон Тимофеевич повел нас напрямик, через лес. Мы пробирались сквозь густой подлесок и заросли папоротника высотой в человеческий рост. Лес здесь сравнительно молодой, двадцати-тридцатилетнего воз-

раста. Но изредка попадаются старые деревья. Особенно поразили наше воображение две огромные лиственницы в три обхвата каждая, словно огромные зеленые башни, возвышающиеся над лесом.

На место пришли, когда солнце уже основательно припекало. От огромной осины, поваленной несколько дней назад, остался лишь ствол; верхушка и все толстые сучья исчезли. Да и ствол был в нескольких местах прогрызен почти насквозь. Видимо, бобры вовсю вели здесь лесоразработки. Мы пошли прямо к хаткам. Жилище инк-воя вблизи напоминало низкую кучу хвороста, в беспорядке сваленную возле старой, наклонившейся над водой плакучей березы. Весь берег был изрыт глубокими канавами с плавающими кое-где огрызками веток. Мы приступили к обследованию колонии и выявлению всех возможных выходов. Это оказалось довольно трудным делом. Некоторые выходы были совершенно незаметны. Наверное, ими очень редко пользовались, и они заросли травой. Другие, даже очень хорошо видные, находились далеко от хатки, третьи почему-то вели в сторону берега и выходили в каналы. Если к тому же учесть, что все они обязательно находились под водой, то будет понятно, с какими трудностями мы столкнулись.

Одним словом, на протяжении двухсот метров берег был буквально изрыт десятками ходов и каналов. В котором из них искать зверей? После тщательного обследования все же выявили несколько наиболее вероятных мест обитания. Больше всего свежих следов было возле главной хатки. С нее мы и решили начать. Внимательно приглядевшись, нашли шесть ходов, идущих в различных направлениях. Возле каждого из них воткнули в землю по сухой ветке, чтобы потом сразу найти. Сейчас мы отправимся обратно и не будем показываться здесь дня два, чтобы звери успокоились.

На обратном пути набрали целый плащ грибов, благо их не нужно искать — только успевай нагибаться. Залезая в лодки, снова спугнули уток, наверное, тех же самых, а у острова опять слышали крики гагар, но птиц больше не видели.

На обед Моня сварил уху и картошку. На этот раз все было вполне съедобным.

Весь вечер мы посвятили изготовлению заслонок и сачков, которыми будем закрывать норы. Заслонки — довольно простое сооружение: два заостренных на концах кола в полтора метра длиной, а между ними натянута тонкая металлическая сетка. Острые концы втыкаются в дно, и — нора перекрыта. Ну, а сачок такой же, как и для ловли бабочек, только диаметр его около метра, кольцо изготовлено из сантиметрового стального прутка, да и ручка больше похожа на оглоблю от телеги. Что касается сетки, из которой сшит сачок, то в ее отверстие не то, что бабочка, а целый воробей может пролететь, но бобр, конечно, не пролезет.

Мы легли, по нашим понятиям, довольно рано, в половине одиннадцатого. На кордоне уже давным-давно погас свет, и его обитатели спали. У них был свой распорядок — рано ложиться и рано вставать. Мы, наоборот, поздно ложились и поздно вставали, спешить нам было некуда, бобры — животные ночные, и ловить их лучше днем, когда они отсыпаются в своих норах.

ЖИЗНЬ НА ИШКУЛЕ

Я проснулся от того, что было душно, хотя дверь оставалась открытой настежь. Часы показывали около четырех утра — пора будить остальных. Сегодня мы решили порыбачить. На озеро выехали в полной темноте. Гребли наугад, ориентируясь по громаде Ильменского хребта. Вот и противоположный берег. Якорь на пятиметровой веревке не доставал дна, пришлось довязывать еще примерно столько же. Было тихо, но это была не обычная тишина летней ночи, а какое-то гнетущее, давящее на плечи безмолвие. Пронзительно закричала где-то недалеко гагара, ей ответила другая, и снова наступила тишина. Мы молча сидели, уставившись на слабофосфоресцирующую воду. Разговаривать не хотелось. Но вот начало светать. Сперва темной бесформенной массой выступил из темноты гористый берег, затем высоко в небе узкой розовой полоской вспыхнули высокие облака. Солнце показалось из-за гор как-то сразу, скачком. От воды густыми клубами поднимался туман. Чем выше вставало солнце, тем гуще становился туман, и скоро все пропало в белой пелене, лишь красные глазки поплавков неподвижно лежали на блестящей, как ртуть, поверхности воды. Рыба не клевала. Напрасно мы ме-

няли червей, выбирая наиболее аппетитных, поплавки не шевельнулись.

Подул ветерок и разогнал туман. Открылся чудесный вид. Высокие горы, заросшие лесом, крутыми склонами сбегали к голубой поверхности воды. Мы долго любовались этим изумительным по красоте озером. А рыба все не клевала. Пришлось менять место, но и это не помогло. Лучшее время — утренняя зорька — уже прошло, а у нас в ведре не было даже паршивого окунишки. Подплыли к самым камышам, редкой щеткой торчащим из воды, но не клевало и здесь. У нас был с собой белый хлеб, решили попробовать ловить на него чебачков. Натаскали десятка два мелочи, а куда ее? Ни ухи сварить, ни пожарить — голова да хвост.

— А не попробовать ли нам ловить окуней на чебачье мясо? — вдруг предложил Моня. Он вообще любил теоретизировать насчет рыбной ловли, предлагать разные способы. Предложение было принято. Якорь бросили на старом месте. И тут началось. Не успевали забрасывать, рыба не давала приманке как следует погрузиться. Окуни — и какие — граммов по четыреста-пятьсот. Темно-зеленые, почти черные, полосатые красавцы с ярко-красными плавниками прыгали по лодке, разбрызгивая скопившуюся на дне воду. Ося насадил на крючок целого чебака и закинул удочку. У него долго не клевало, но зато клюнул «горбыль» килограмма на полтора. Мы еле вытащили его, хорошо, что у нас был с собой сачок. Мы тоже последовали Осиному примеру, не приняв во внимание, что у нас более тонкая леска. Ну и тотчас же поплатились: крючков с леской как не бывало. Пришлось кончать рыбалку, да и пора было возвращаться. Не успевший остыть за ночь воздух снова начал накаляться. Денек обещал быть жарким.

После завтрака мы втроем отправляемся в поход вокруг всего озера. Нужно выявить места обитания зверей на Ишкуле. Это на случай, если на Арактобане нас постигнет неудача. Дежурит сегодня Ося. Захватив с собой немного еды, мы поплыли вдоль берега, осматривая прибрежные кусты и деревья. С каждым часом становилось все жарче.

Не помогали даже поминутные обливания водой. Часам к двум мы, наконец, добрались до знакомого

по вчерашней стоянке залива. Здесь решили перекусить и даже поспать немного. Мы лежали в тени кустов, наблюдая за редкими белыми облаками-барашками, лениво бегущими по небу, а в это время с запада стремительно надвигались черные лохматые тучи. Мы увидели их, лишь когда они вынырнули из-под вершины хребта и проглотили солнце. Дождь хлынул внезапно. Мы спрятались под березками, стоящими на берегу, но ветер загонял под их кроны косые полосы ливня.

Вася, поблескивая очками, выглядывал из-под плаща, словно птенец из гнезда.

Непрерывно грохотал гром и сверкали молнии. Центр грозы явно приближался к нам: если сперва пауза между вспышкой молнии и громом была десять секунд, то сейчас она сократилась до трех-четырех.

— Слушай, академик! (Это было второе, менее распространенное Васино прозвище.) Какова вероятность того, что молния ударит в нас? — обратился к нему Моня.

Вася с самым серьезным видом начал подсчитывать вероятность попадания в нас молнии, но не успел закончить своих вычислений, как ослепительно блеснуло и одновременно раздался оглушительный треск. Молния ударила в огромную сосну, стоявшую метрах в двухстах от нас. Казалось, дрогнула земля, и я почувствовал, как меня снизу кольнуло электрическим зарядом.

— Сидели бы мы под той сосной, была бы нам сейчас теория вероятности! — прокричал Моня из-под плаща, стараясь перекричать шум усиливавшегося ливня.

Так продолжалось еще с полчаса. Но вот черные тучи умчались дальше на восток, выглянуло солнце. После дневной духоты воздух, насыщенный озоном, казался вкусным и чистым, словно родниковая вода. Солнце отражалось в тысячах капелек, сверкающих, словно искорки. Капельки повсюду: на листьях, на траве, на цветах и даже на Васиных очках. От земли, а особенно от прибрежных скал, поднимался легкий пар. Трава, прибитая дождем, словно живая, поднималась, расправляя листья навстречу солнцу. Лес ожил. Вспорхнула среди ветвей первая птичка, прятавшаяся где-то во время ливня. Неуверенно пискнула, прислу-



шалась, снова пискнула, уже увереннее. С соседнего дерева ей ответила другая пичужка, и скоро весь лес звенел. И только несколько сломанных веток да две мертвые бабочки, плывущие по ручью, словно осенние листья, напоминали о прошедшей грозе.

Мы подошли к дереву, в которое ударила молния. Огромный ствол был по спирали опоясан полосой свежесодранной коры, матово белевшей в полумраке леса. От удара молнии дерево треснуло в нескольких местах. На обнаженной древесине блестели янтарные капельки смолы. Сосна уже начала залечивать полученную рану. Рядом со свежим разломом чуть заметной полоской вился старый, уже совсем заплывший. Видимо, великан не раз принимал на себя удары молний, но, как и подобает старому воину, не сгибался. Однако, обогнув дерево, мы увидели, что дни его сочтены. Какие-то безжалостные люди много раз жгли у его подножия костер и выжгли огромное дупло. Они сделали то, чего не смогли сделать столетия. Еще один-два урагана, и старый богатырь рухнет на землю.

— Ну, будь здоров, не болей,— сказал Моня, похлопав великана по стволу. И нам даже показалось, что сосна что-то прошептала в ответ: то ли пожалова-

лась на свою судьбу, то ли поблагодарила за теплые слова, а может, просто ветерок пробежал по веткам.

Лодка была наполовину залита водой. Пришлось вытащить ее на берег и перевернуть. И вот снова режет она острым носом мутные волны, снова проплывают мимо нас прибрежные скалы и заросли тальника. Мы обошли уже почти пол-озера, а все еще не встретили никаких следов пребывания инк-воев. В большинстве берега озера каменисты, и бобрам трудно найти здесь подходящие для жизни места. Наконец в одном из заливов нам встретились старые погрызы. Здесь же было несколько заброшенных нор и заросших густой осокой каналов. Мы тщательно обыскивали каждый заливчик или участок заболоченного берега, пока не наткнулись на совершенно свежие следы. На низком каменистом берегу лежало несколько осин. Деревья были повалены несколько дней назад, но почему-то так и остались лежать на земле нетронутыми. Дальше вдоль берега стали попадаться свежие пеньки, норы, которые мы на всякий случай отмечали вешками, и короткие каналы, но хаток нигде не было видно. Следы деятельности инк-воев встречались на протяжении почти полкилометра. Причем, участки со свежими «порубками» чередовались с более старыми или совсем заброшенными местами. По-видимому, звери кочевали вдоль берега, ежегодно меняя участки, по каким-то причинам оказавшиеся неудобными для них. Но, как ни странно, хаток мы так и не встретили. Ситников объяснил нам потом, что бобры не всегда строят хатки. Часто они живут в земляных норах, на берегу.

Домой добрались к вечеру, страшно голодные и уставшие. Ося накормил нас на славу. Борщ, жареная рыба, молодой картофель со сметаной и чай с ягодами. В домике все блестело и сверкало. Ося вымыл полы и окна, смел паутину. Достал у Никона Тимофеевича старые наволочки от матрацев, набил их сеном, так что мы теперь будем спать почти как дома — на настоящих постелях. На стене было прибито несколько полок, на которых Ося разложил книги, карты, компасы и прочие мелочи, всегда валявшиеся в беспорядке по рюкзакам. Он даже светильник соорудил из консервной банки и ваты, а то мы позабыли купить свечей и вечерами сидели без света.

НА ГОРЕ И ПОД ВОДОЙ

У нас свободный день. Ишкуль уже исследован, а на Арактобан едем только завтра. Ося и Моня, наши основные поставщики рыбы, на рассвете уехали на рыбалку, а мы с Васей спали до их возвращения. Правда, Вася сегодня дежурный, но он решил на завтрак разогреть остатки вчерашнего роскошного обеда.

После завтрака наши рыбаки часок вздремнули, а потом мы решили заняться «водолазным» снаряжением. В те времена еще не было в продаже ни масок, ни ласт, и любители подводного ныряния выходили из положения кто как мог. Одни мастерили очки, другие приспосабливали противогазы. И мы, посмотрев французский фильм о подводной охоте, загорелись желанием спуститься на дно. Наше снаряжение состояло из трех шлемов от противогазов различного размера и конструкций (один был даже довоенного образца с резиновым носом) и нескольких гофрированных трубок. Испытывать решили в тихом заливчике, один край которого зарос кувшинками и осокой, а другой представлял собой песчаный пляж. Глубина здесь небольшая, около полутора метров, так что в случае аварии можно просто встать на дно. Испытывать оборудование поехали Моня, Ося и я.

Первым решил нырнуть Моня. Он натянул на себя маску. Гофрированные трубки, соединенные в длинный гибкий шланг, были приготовлены зара-



нее. Их Моня привинтил к маске и решительно нырнул с лодки. Вынырнул он быстро, через несколько секунд. Он стоял на дне по грудь в воде и, сорвав с головы маску, долго и хрипло кашлял и плевался.

— Течет! — наконец изрек он.— Нужно крепче притягивать маску.

Вторым стал пробовать оборудование Ося. Он решил надеть не маску, а резиновый шлем, почти полностью закрывающий голову. Ося не стал нырять, а тихо опустился и сел на дно. Я потравил ему конец шланга. Сквозь прозрачную воду хорошо были видны все его движения. Но вот он вынырнул и что-то пробасил в трубу, но я ничего не понял.

— Дышать нельзя, силы не хватает,— сказал Ося, стянув с головы шлем.— А так здорово все видно, красотища!

Наступила моя очередь погрузиться на «морское» дно. Я надел маску и лег в воду. Маска не пропускала воды, дышать было легко. На желтом песчаном дне бегали солнечные зайчики. Тонкими копьями тянулись со дна редкие камышинки, ярко-зелеными кочками рос водяной мох. Я нырнул глубже. Тяжестью сдавило грудь, вдохнуть не хватает сил. Пришлось подниматься наверх. В результате испытаний установили следующее:

1. Годится только одна маска, остальные пропускают воду.

2. Дышать на глубине невозможно, не хватает сил сделать вдох.

3. Плавать с маской можно только у самой поверхности, закрепив шланг за край лодки.

4. Использовать сие снаряжение для ловли бобров нельзя.

Моня так нахлебался воды в первое погружение, что больше не выражал желания нырять. Зато мы с Осей несколько часов не вылезали из воды. Нам открылся новый, неведомый доселе мир подводных джунглей. Когда плывешь в прозрачной воде, кажется, что ты паришь над землей, словно птица. Далеко внизу проплывают песчаные холмы, зеленые леса-водоросли. Словно серебристые дирижабли, проносятся чебачки, где-то у самого дна копошатся в тине серые невзрачные ершики. Стайки полосатых окунишек снуют вверх

и вниз по всей толще воды, словно эскадрильи самолетов на параде.

Моня, которому надоело сидеть без дела в лодке и кашлять, начал ворчать. Пришлось вернуться на базу. Послеобеденное время решили посвятить осмотру окрестностей и экскурсии на Ильменский хребет.

Снизу хребет казался не очень высоким, но до вершины мы добирались почти два часа. Шли без дороги, прямо по компасу. Внизу, у подножия, рос старый сосновый бор с густым подлеском. Чем ближе к вершине, тем реже деревья. Местами, особенно на старых гарях, буйно разрослись молодой осинник и березняк. На вершине хребта леса нет, здесь просто травы. Густые заросли их поднимаются выше пояса. Мы устали и тяжело дышали, как загнанные лошади. Моня, начавший ругаться еще на половине дороги, сел на камень и отказался идти дальше. Полезли выше втроем.

Впереди бодро карабкается Вася, инициатор и организатор этого похода. Он останавливается у каждого камня, стараясь найти что-нибудь интересное, но пока встречаются только обычные породы. За Васей подымаюсь я с фотоаппаратом и биноклем, которые тяжелым грузом давят на шею. Жарко! Особенно, когда выбрались из леса на открытое место. За мной плетется Ося, он пошел с нами просто за компанию и, по-видимому, жалеет об этом, но не подает вида. Еще ниже, отстав метров на двести, тащится Моня, его красная ковбойка мелькает еще где-то в зарослях осины, когда мы уже добираемся до вершины.

Открывшийся отсюда вид заставил позабыть усталость. Далеко внизу голубой рыбиной блестело озеро. Казалось, что рыбина эта плыла в зеленом лесном море, среди горных хребтов. Восточнее озера шли невысокие горы, переходящие в пологие увалы, заросшие лесом. У западного подножия хребта сверкала узенькая ленточка реки — это Миасс. Еще западнее — хребет Урал-Тау.

Заросшие лесом горы убегали вдаль, теряясь в дымке и постепенно сливаясь с темными облаками, затянувшими горизонт. Вид изумительный! Даже Моня перестал ругаться. Вася щелкает кадр за кадром. Я рассматриваю в бинокль горы, лес, облака. Высоко над озером парят два коршуна или орла, сейчас они на

одном уровне с нами или даже чуть ниже. Выше нас только облака!

Словно игрушечная, темнеет на серебристой воде озера лодка, неподвижно застывшая у кромки камышей. Это рыбачит Никон Тимофеевич. В бинокль хорошо видно, как он вытаскивает рыбу и снова забрасывает удочку. Но пора домой. Мы возвращаемся другой дорогой, более ровной. Быстрее всех спускаются Моня и Ося, они хотят еще порыбачить сегодня. Нам с Васей некуда спешить, и мы идем потихоньку, осматривая по пути обнажения пород. Присели на ствол упавшего от старости дерева, закурили. Почти совсем стемнело. В лесу стало очень тихо. Внизу, возле кордона, залаяла собака. Значит, Моня с Осей добрались до дома. Внезапно возле самого моего уха бесшумно мелькнула и пропала в лесу темная тень. Птица? Я оглянулся. Из небольшой щели между камнями одна за другой вылетели и бесшумно исчезли еще несколько крылатых теней. Мы с трудом отвалили здоровенную глыбу. Она с треском покатилась вниз и ухнула, ударившись о дерево. Под глыбой обнаружилась дыра, из которой одна за другой стали вылетать потревоженные летучие мыши. Пахнуло сыростью и плесенью, как из подземелья.

— Интересно, что это за дыра,— сказал Вася,— давай посмотрим?

Мы отвалили еще несколько глыб. Не без труда удалось расчистить завал настолько, чтобы хоть немного втиснуться в глубину каменной осыпи. Я зажег спичку. За завалом открылся подземный ход.

— Штольня,— высказал предположение Вася,— добывали что-нибудь.

Решаем вернуться сюда и хорошенько в ближайшее же свободное время все рассмотреть. Завтра у нас решающий штурм колонии инк-воев.

ШТУРМ КРЕПОСТИ ИНК-ВОЯ

Утро не обещало ничего хорошего. Моросил мелкий, как бисер, дождь. Это был даже не дождь, а водяной туман, висевший в воздухе. Туман проник под плащ, забирался под шапку, и даже портянки от него отсырели. Сидеть за веслами сейчас приятно — по крайней мере, тепло. Окончательно согрелись мы в лесу, когда тащили заслонки и сачки. На

исходном рубеже, возле поваленной осины, устроили последний перекур. Наметили, кому какой ход закрывать и в какой последовательности. У большой хатки шесть выходов, а нас только пятеро. Решаем в первую очередь перекрыть выходы в озеро. К колонии подходим тихо, и только на последних метрах, когда все равно нужно перепрыгивать через камни и пробираться по куче хвороста, бросаемся в атаку. Быстро перекрываем один за другим все выходы заслонками, глубоко вгоняя в илистое дно заостренные колья. Теперь, если, конечно, он там был, зверь пойман. Ося ставит за заслонку, ближе к озеру, сачок. Я с трудом вытаскиваю колья, а все остальные начинают стучать и топать по хатке, выпугивая оттуда зверя.

Внезапно забурлила вода в камышах.

— Есть! — радостно завопил Ося, обеими руками вцепившись в сачок. Он почерпнул им темную воду и начал поднимать сачок вверх. Я кинулся на помощь. В сачке билось что-то большое и сильное. Нам бы волоком вытащить сачок на берег, и все было бы в порядке. А мы, не сообразив, с трудом подняли свою добычу в воздух. Зверь сильно рванулся, нитки треснули, и темно-бурая туша, провалившись в дыру, шлепнулась в воду. Секунда — и инк-вой скрылся под водой. Ося сделал инстинктивное движение, как бы пытаясь удержать его, и, поскользнувшись, плашмя грохнулся в воду.

После такого погрома оставаться здесь было бесполезно. Но мы еще несколько часов упрямо бродили вокруг выявленных в прошлый раз нор. Дождь не прекращался. Мы несколько раз проваливались в заросшие травой и поэтому почти не видимые канавы и скоро все вымокли до последней нитки. Но больше никого в этот день так и не встретили.

Обратно ехали молча, разговаривать не хотелось, да и не о чем. Когда лодки подошли к дому, было уже совсем темно.

— Ну, что приуныли, хлопцы? — окликнул нас Никон Тимофеевич. Он возился у своей лодки — выкидывал из нее грязь и вычерпывал воду.— Заходите ко мне, чайку горяченького выпьем! — пригласил он нас.

Переодевшись в сухое, ребята несколько повеселели. Даже Моня, совсем было раскисший, начал что-то

напевать, наматывая на ноги портянки. Мы отправились в гости к Никону Тимофеевичу.

На большом столе, застеленном зеленой с цветочками клеенкой, жизнерадостно фыркал старый приземистый самовар. Помятые бока его были начищены до блеска, на горделиво выпяченной груди виднелся ряд медалей с двуглавым орлом и царским профилем.

Хозяйка встретила нас приветливо.

— Намаялись, ребятки... Садитесь-ка, закусите да чайку выпейте...

Кроме самовара, на столе стояла глиняная миска с соленой капустой, в которой красными бусинками блестела брусника, вторая миска с дымящейся картошкой в мундире, тарелка с солеными груздями и огурцами и огромная, диаметром чуть не в полметра, сковородка с жареной рыбой, залитой яйцами.

— Присаживайтесь,— пригласил нас к столу хозяин.

В комнате было тепло и как-то очень уютно. За разговорами время бежало незаметно, разошлись мы уже в полночь.

„ТАЙНА“ СТАРОЙ ШТОЛЬНИ

Полянка перед нашим домом кажется стеклянной от капелек росы, осыпавших каждую травинку. Ветер с озера доносит запах тины, чуть пахнет сосной, но сильнее всего аромат сена. Целый стог его сложили вчера неподалеку от наших дверей.

Настроение у нас боевое: идем исследовать подземелье. После завтрака, захватив с собой свечи, которые нам дал Никон Тимофеевич, молотки и на всякий случай веревку, мы отправляемся в путь. Пещеру отыска-



ли с трудом. Почему-то нам с Васей казалось, что она расположена гораздо ближе. Может быть, потому, что тогда мы спускались с горы, а теперь карабкались наверх. Вчетвером мы быстро раскидали завал, и перед нами открылась узкая щель, пробитая в горе. Зажгли свечи и, согнувшись, спустились по остаткам завала на дно штольни. Пахло сыростью и гнилью. На полу лежало несколько трухлявых бревен и старая сломанная кайла. Из темной глубины с писком метнулись навстречу несколько летучих мышей, но большинство их осталось висеть вниз головой, прицепившись к угловатым неровностям потолка. Через несколько метров ход свернул в сторону, стало темно. Штольня была высотой от полутора до двух метров, так что почти везде можно было идти не сгибаясь. На правах первооткрывателей мы с Васей шли в голове отряда. Пламя свечей то вспыхивало ярко, то почти гасло, и на стенах штольни прыгали и кривлялись наши тени. Ярко, фантастическим блеском сверкали зеленые амазонитовые глыбы, углами торчащие по стенам горной выработки. Чем дальше уходили мы под землю, тем более яркими красками отсвечивали стены, потолок и пол штольни. Амазонит сплошь пронизан светлым серо-дымчатым кварцем, образующим красивый своеобразный рисунок, отдаленно напоминающий древнееврейскую письменность. Остроугольные блестящие обломки валяются под ногами. Мы выбираем себе наиболее ярко окрашенные и откладываем в сторону, чтобы прихватить на обратном пути. Это не то, что мы находили на отвалах амазонитовых копей, здесь под ногами валялись десятки музейных образцов.

Вася, шедший впереди всех, внезапно остановился и попятился назад: возле стены белели кости. Мы подошли поближе и увидели скелет небольшого животного, величиной с маленькую собаку. Нам показалось, что это был барсук.

— Наверное, раненый был,— выдвинул еще одну гипотезу Моня.

Вася подгреб ногой несколько камней, лежащих поблизости, потом принес обломок амазонита. Мы стали помогать ему, и скоро над останками барсука вырос небольшой холмик, сложенный из красивейших уральских камней.

Через несколько метров подземный ход кончился, упершись в сплошную стену амазонита.

— Все. Приехали,— сказал шедший впереди Вася.— Дальше некуда.

Штольня была пройдена по пегматитовой жиле. Ее края сложены из амазонита, а в центральной части был кварц со множеством пустот — занорышей.

В этих занорышах «росли» топазы, аквамарины, хрусталь и многие другие минералы. Вот за ними-то и охотились старые горщики, пробившие в горе эту штольню. Стена, закрывшая подземный ход, была сверху вниз пересечена широкой трещиной, по обеим краям которой, словно зубы, торчали мелкие и крупные кристаллы кварца. Часть из них была расколота, и по всей стене вблизи трещины виднелись следы молотка. В глубине щели среди густой «щетки» кристаллов кварца торчало несколько шестигранных прозрачных кристаллов с голубоватым отливом, сантиметров по десять каждый. Это — аквамарины. Они находились в самой узкой части, и к ним никак невозможно было подобраться. Именно поэтому они и уцелели. В трещине виднелись еще небольшие прозрачные сростки топаза, полевого шпата и еще каких-то минералов, определить которые было трудно. Интересно, почему старатели не достали эти кристаллы? Ведь они представляли в свое время большую ценность. Моня хотел ручкой молотка попытаться выковырять хотя бы один образец, но Вася не дал ему.

— Зачем портить такую красотищу? Это — заповедник, здесь ничего нельзя ломать.

Мы с Осей поддержали его. На обратном пути каждый прихватил по нескольку увесистых образцов. Вход в штольню снова завалили камнями и хворостом, оставив небольшую щель для летучих мышей.

Вечером к нам на огонек зашел Никон Тимофеевич.

— Ну, как дела? Куда сегодня ходили? — обратился он к нам.

Мы рассказали ему о своей находке и спросили, что он знает об этой штольне.

— Как это вы сумели ее найти? — усмехнулся он в усы.— Вроде хорошо замаскировали...— Немного помолчал, а потом начал рассказывать.— Эту штольню

старатели еще до революции пробили. Почти все лучшие самоцветы здесь были добыты. Однажды в этой жиле встретился занорыш с комнату величиной, а в нем топаз почти на два пуда, ну и самоцветов других, конечно, много было.

— А почему они из занорыша, там, в конце штольни, самоцветы не взяли? — спросил Моня.

— Этот занорыш недавно только нашли, когда геологи штольни углубляли, ну и оставили так, для обозрения.

— А зачем тогда завалили камнями? — спросил Ося.

— От туристов. Здесь туристы проходят каждые две недели,— ответил Никон Тимофеевич,— так они ломают все, ну, мы и прикрыли ход.

ЗА ХЛЕБОМ

Сегодня утром съели последние сухари. Обычно хлеб привозил нам Никон Тимофеевич, когда ездил по своим делам, но вчера его неожиданно вызвали на главную базу, и мы оказались без хлеба.

Ближайшая деревня расположена километрах в десяти. Пройти по лесу двадцать километров не так уж трудно, но добровольцев почему-то не оказалось. Как обычно в таких случаях, все решил жребий. Он выпал нам с Васей.

Захватив с собой геологические молотки, пару рюкзаков и фотоаппарат, мы отправились в путь. Вышли из дома часов в девять утра. Часа за три, учитывая непредвиденные задержки в пути, мы рассчитывали добраться до места. Но разве с Васей сладишь, если он увидел интересные камни? Конечно, мы задержались.

Деревня открылась неожиданно за одним из поворотов лесной дорожки. Мелкий густой сосняк подходил вплотную к ней. Некоторые огороды узкими клиньями вдавались в лесную чащу. Сама деревня была расположена на правом берегу реки. Ее низенькие, потемневшие от дождей и времени домики вытянулись вдоль тракта, делающего несколько изгибов, чтобы обойти подступающие к реке горы. Только несколько маленьких домиков да длинный сарай, по-видимому, какая-то животноводческая ферма, отошли в сторону от общего ряда домов и сбегали вниз по склону, к реке.

Почти в самом центре деревни белело несколько свежесрубленных домов. Туда мы и отправились, рассудив, что скорее всего магазин должен быть в одном из них. На улице не было видно ни одной живой души, даже ребятишки куда-то все подевались. Только несколько пестрых куриц лениво разгребали пыль да огромная, как бочка, свинья одиноко лежала в неизвестно как сохранившейся в такую жару луже. Мы шли по теневой стороне мимо буйно заросших сиренью и рябиной палисадников, мимо высоких заборов, калиток с огромными, кованными еще при царе Горохе ручками, мимо огромных ворот, сбитых из толстенных досок и напоминавших крепостные. Деревня была построена, по-видимому, очень давно, в прошлом веке, во времена золотой лихорадки, волной прокатившейся по здешним местам.

Как мы и предполагали, магазин оказался в одном из новых домов, образующих что-то вроде небольшой площади, с одной стороны которой были построены клуб, сельсовет и магазин; с другой — пять или шесть двухквартирных домиков. Нам не повезло: на дверях магазина висел огромный замок, а из небольшого объявления можно было узнать, что магазин закрыт на перерыв с часу дня до пяти часов вечера. Нам предстояло ждать больше трех часов.

— Веселенькое дело,— проворчал Вася, усаживаясь на груду бревен возле магазина.

— Пойдем поищем попить,— предложил я.

Мы постучали в ближайший дом, во дворе которого виднелся колодец. На стук выглянула маленькая, словно подросток, старушка в длинном сине-белом цветастом платье и в красном переднике. Пока мы жадно глотали из большого железного ковша холодную и вкусную, словно нарзан, воду, она с любопытством рассматривала нас. Вид был у нас, конечно, забавный, чтобы не сказать больше. Что-то среднее между охотниками, рыбаками и бродягами.

— Откуда, соколики? Туристы, что ли? — обратилась она к нам.

— Нет, мы с Ишкуля пришли за хлебом, на кордоне там живем,— ответил я.

— У Никона Тимофеевича?

— Да, у него.



— Вы бы сходили к Ниловне, продавщица это наша,— посоветовала старушка, провожая нас до калитки.— Она хорошая баба, продаст вам хлеба, а то сколь еще ждать! Вон в том крайнем домике Ниловна-то живет.

Мы еще раз поблагодарили приветливую хозяйку, и калитка захлопнулась за нами, мелодично звякнув круглым кольцом-ручкой.

Ниловна оказалась симпатичной женщиной лет тридцати. Выслушав наше объяснение, она без лишних разговоров открыла магазин, и через полчаса мы уже шагали знакомой дорогой обратно на Ишкуль.

Лесная дорожка с двумя глубокими колеями, прорезанными колесами телег, то ныряла в густые заросли, то пробиралась вдоль опушек, обходя стороной большие поляны-покосы, пока не разбежалась на мелкие, еле заметные тропинки, теряющиеся среди высокой травы. Заговорившись, мы где-то свернули с основной дороги и пошли на покосную, которая и привела нас к небольшому полуразрушенному шалашу. Возле него был вкопан в землю дощатый стол и две скамейки, сколоченные из березовых жердей.

— Отдохнем,— предложил Вася.

Мы скинули рюкзаки, разулись и улеглись на охапку сена. Высоко-высоко в небе застыли на голубом полотне перистые кудряшки облаков. Стояла звенящая тишина. Даже ветер запутался где-то в лесной чаще и не смог выбраться к нам на поляну. Идти никуда не хотелось, хорошо бы так вот лежать и лежать, смотреть на облака, на березы, уходящие своими прозрач-

ными вершинами в бесконечную синеву, и слушать лесную тишину. Ноги, которым пришлось сегодня протопать уже километров пятнадцать, приятно ныли. Мы отдыхали минут тридцать, изредка перекидываясь отдельными словами. Разговаривать не хотелось. Больших усилий стоило подняться и продолжать путь.

ВТОРОЙ ШТУРМ

На этот раз погода не мешала нам. День обещал быть хорошим. Выехали пораньше и в семь часов оказались уже на месте. Мы не были здесь всего два дня, но сразу почувствовали, что местность как-то изменилась. Сначала мы не могли понять, в чем же дело, но, присмотревшись, обнаружили, что группа из четырех небольших осин, росших между нашим исходным рубежом и бобровой колонией, исчезла. От осин остались одни пеньки, торчащие из травы. Это нас порадовало: значит, бобры никуда не ушли и продолжают заготовлять корм на зиму. Но живут ли они в своих зимних хатках или переселились на летние квартиры, как на Ишкуле?

Мокрая от обильной росы трава заглушала наши шаги, уже не шуршала так, как днем. Посовещавшись и учтя печальный опыт, мы решили действовать по следующему плану: во-первых, перекрыть все выходы главной хатки, затем постараться блокировать вторую, меньшую хатку. Так и сделали. Оставив Осю наблюдать за заслонками и дав ему один сачок на случай, если звери сделают попытку прорвать блокаду, мы отправились дальше по берегу. Несколько раз в каналах или у берега раздавался подозрительный плеск, но мы не были уверены, что это инк-вой — мало ли кто плещется в воде: крыса, рыба или просто упал в воду кусок земли, осыпавшейся под нашими ногами. То и дело встречались свежие следы зубов, но сами звери словно сквозь землю провалились.

На этот раз мы внимательно обследовали все, стараясь не пропустить ни одного укромного уголка. По словам егеря, в колонии жило около десяти взрослых зверей и молодь этого года. Они обжили заболоченный низкий мыс, вдающийся в озеро и заросший осиной, березой, ольхой и ивняком. На протяжении почти трехсот метров берег был изрыт норами и каналами. Каналы — узкие, глубокие канавы — ведут в глубь за-

болоченного мыса. Они служат для сплава заготовленных кормов и для спасения от опасности. Хатки построены на берегу.

Все это мы разглядели, а бобров нигде не было.

Ося сидел на изогнутой, словно кресло, старой березе, повисшей над водой, и курил. Увидев нас, он развел руками, давая понять, что никаких изменений не произошло. Мы ответили ему тем же жестом. Итак, остался последний шанс — две блокированные хатки. Есть в них звери или нет? Начали с маленькой, но сколько ни стучали по ней, звери не выскочили. Для страховки мы всунули в один из ходов длинную палку (хатка была построена на самом берегу) и пошуровали ею в норе. Хатка оказалась пустой. Перетащили сачки к главному дому. Теперь каждый сачок был крепко сшит шпагатом в два ряда, так что сейчас бобру его не порвать. Но, увы, и из этой хатки никто не выскочил.

— Ну, что будем ломать? — спросил Никон Тимофеевич.— У нас есть разрешение на вскрытие одной хатки.

— Давай! — ответил я.— Все равно мы больше сюда не придем.

Хатка, которую мы собрались ломать, представляла собой низкую круглую кучу веток диаметром около пяти метров. Сломать ее оказалось довольно сложным делом: ветки и отрезки бревен были хитро переплетены между собой и скреплены затвердевшим, как камень, илом. Только с помощью топора нам удалось прорубить окно в крепость инк-воя, но она оказалась пустой. Зарисовав и замерив внешние и внутренние размеры бобриного жилища, мы завалили дыру и пошли домой.

Итак, два шанса из трех мы уже использовали (Арактабан и Ишкуль), а бобров нет. В общем-то, не очень весело. И погода к вечеру начала портиться, солнце садилось в густые серые облака.

Дождь шел два дня. Шел, не переставая и не усиливаясь, как заведенная машина. Два дня мы не высовывали носа из домика. За это время были рассказаны все анекдоты, все охотничьи и рыболовные истории. Был даже проведен шахматный турнир на первенство экспедиции.

ТУРНИР ПРЕТЕНДЕНТОВ

Вася и Моня играли эту партию уже больше часа. Партия была решающая, от нее зависел исход чемпионата. Шахматисты пристроились на клетке, приготовленной для бобров. Я и Ося лежали на топчане, свесив вниз головы, и внимательно следили за борьбой шахматных титанов. Это все, что оставалось нам делать. Мы выбыли из дальнейшей борьбы за первое место. Ося, проиграв Васе две партии и две сведя вничью, сложил оружие, а я сдался Моне еще раньше со счетом три-ноль. Мы играли по олимпийской системе, по пять партий. Сперва было предложено учредить один приз. Но мы с Осей высказались против. Мы прекрасно понимали, что нам этого приза не видать, как своих ушей, и обиделись. Тогда, после бурных дебатов, решили все четыре места сделать призовыми. Первым призом был объявлен превосходный топаз, найденный Васей в амазонитовой копи и переданный оргкомитету турнира только под усиленным нажимом общественности, да и то, по-видимому, с тайной надеждой выиграть его. Второй победитель награждался Мониной удочкой (десять метров импортного «сатурна» с зимней блесенкой и пластмассовым поплавком — тайной мечтой всех остальных рыболовов). За третье место присуждался лучший образец амазонита из моей коллекции, и за четвертое выдавался Осин перочинный нож с восемью предметами, включая ножницы и никому не нужную пилку для ногтей.

Турнир проводился в два круга — полуфинал и финал. Мы с Осей надеялись, что жребий сведет нас вместе, тогда у одного из нас появлялся реальный шанс пробраться на второе место. Но, увы, нам пришлось бороться за третий и четвертый призы. В результате Ося стал обладателем моего амазонита, а я получил его перочинный нож.

Турнир начался утром и затянулся до позднего вечера. Довольно легко выиграв у нас, Моня и Вася скрестили оружие между собой. Они дрались, как львы. Счет пока два-два. Материальный перевес в последней партии был на стороне Васи.

— Все, сдавайся! — предложил Ося, пуская в сторону Мони паровозную струю дыма.— На твоем месте даже Ботвинник и тот бы уже давно сдался.

Моня, сердито засопев, ничего не ответил. Он думал уже минут двадцать. Наконец, сделал ход конем, поставив его под удар вражеского слона. Шах. Неужели зевок? Вася поспешно срубил коня. Но это был не зевок. Освободившись от мешавшего ему слона, Моня двинул свою последнюю фигуру в глубокий тыл противника. Шах! Вася убрал короля под защиту пешки. Снова шах ладьей. Король двинулся обратно. Еще раз шах! Картинки повторялись в обратном порядке.

— Ничья,— радостно предложил Моня.

Вася, подумав, согласился.

Итак, счет два с половиной на два с половиной. Моня решительно отверг предложение присудить первое место по жребию. Он был настроен воинственно и решил выиграть во что бы то ни стало. Постановили играть до первого проигрыша. Снова расставили фигуры. Моня играет белыми, Вася черными. Две свечки, воткнутые в проделанные в консервных банках дырки, тускло освещают шахматную доску. На стене двигаются огромные тени игроков. За окном шумит вода, струйками стекающая с дощатой крыши. Клубы табачного дыма висят над полем битвы. Идет жаркая баталия. Ося, словно спортивный комментатор, передает сводку боя.



— Гроссмейстер сделал е2—е4,— комментирует он,— когда белые двинули вперед пешку.

И, хотя мы договорились не подсказывать и не мешать игрокам, трудно удержаться от реплик, особенно Осе, у которого язык так и чешется.

Вася играл спокойно, молча и подолгу обдумывал каждый ход. Он ни разу не изменил хода, но неоднократно позволял это делать Моне, который то и дело хватался за фигуры, то поднимая, то ставя их на место. Когда его дела становились плохи, он затихал, подолгу думая над очередным ходом. Но вот Моня провел удачную атаку, и его словно подменили. Он соскочил с места и, радостно потирая ладони, воскликнул:

— Я же обыгрываю его, как ребенка! Он же не знает элементарных правил!

Вася тихонько передвинул пешку на одну клетку. Моня на минутку замолчал, потом быстро схватил Васиного коня и поставил на его место слона. Но черные вторым конем прыгнули вперед и... вилка на ферзя с шахом. Моня поспешно поставил обратно коня, бормоча:

— Элементарный зевок. Не считается!

Белые и черные снова отошли на исходные позиции. Моня больше не вскакивал и сейчас потирал уже не ладони, а виски, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Несколько минут было тихо, лишь шелестел дождь, да изредка с резким стуком ставилась на доску фигура. Черные медленно, но упорно отвоевывали позицию за позицией. Моня пытался разменом фигур избежать неизбежного, но через пять ходов Вася поставил мат.

Матч на звание чемпиона окончился. Первое место и приз (свой топаз) получил Вася, которого Ося тут же окрестил абсолютным чемпионом Ильменских гор и их окрестностей.

Моня получил обратно свою удочку. Он был огорчен не на шутку и все доказывал, что, если бы не элементарные зевки и Осины реплики, он бы выиграл.

Погасили свечки. Дождь кончился. Стало тихо, только глухо шумит еще не успокоившееся озеро, бросая на берег вал за валом, да беспокойно ворочается на своем месте Моня.

ОДИН-ОДИН

Итак, один-ноль в пользу бобров. На Арактабане ловить больше нельзя, иначе бобры могут покинуть колонию. После непродолжительного военного совета с участием всех членов экспедиции решаем, несмотря на неутешительные данные разведки, попытаться взять этих неуловимых зверей на Ишкуле.

Отправились в полдень в надежде на то, что бобры, сморенные жарой, заснут где-нибудь в холодке и не будут так осторожны. До места недалеко, всего километра два. Нужно только переправиться на другой берег озера, обогнуть мыс, пробиться сквозь заросли камыша, метров пятьсот протащиться по болотистому берегу, а там уже и рукой подать.

Легче всего прошло форсирование водной преграды. Дорога хорошо известна: здесь, у мыса, мы рыбачим почти каждый день. Значительно больше времени потребовалось на поиски удобного проезда среди камышей, но вот и этот участок пройден. Высаживаемся на берег и осторожно пробираемся вдоль густых зарослей ольховника. Под ногами громко чавкает трясина. То и дело кто-нибудь из нас, не разглядев под ногами старой канавы, с плеском исчезает среди густой заросли осоки. Первым выкупался Моня. Он окунулся с головой и выжимал одежду минут десять. За ним сел в лужу Вася, причем, в прямом, а не в переносном смысле. Мы с Осей отделались сравнительно легко, начерпав полные сапоги.

После такого шумного начала шансов на успех не оставалось. Мы без особого рвения перегородили первые три входа (они же выходы), отмеченные в прошлый раз хворостинками. Сейчас мы применили более совершенную систему охоты. Мы отказались от заслонок и пользовались только сачками. Трое закрывали ими норы, а четвертый пугал зверей, выгоняя их из убежища. Но, кроме больших зеленых лягушек, в наших сачках ничего не было. Так мы прошли вдоль всего берега. Мы уже собирались повернуть обратно, как вдруг Ося, шедший впереди, заметил под развесистым кустом ольховника что-то похожее на подводный вход. Он перегородил его сачком и крикнул нам, чтобы мы постучали палкой по берегу. Я и Вася кинулись искать другие выходы из этой норы, а Моня

стал отчаянно колотить палкой по земле и топать ногами.

— Попался! Давай сюда! — завопил Ося.

После бестолковой десятиминутной возни все же удалось двумя сачками вытащить инк-воя на берег. Здесь мы накрыли его третьим сачком и прижали к земле. Честно говоря, выезжая утром на отлов, никто из нас не надеялся на успех. Ехали просто так, для успокоения совести. Поэтому сейчас как-то растерялись, хотя теоретически все было продумано заранее. Наконец, решаем, что Вася и Ося останутся сторожить зверя, а мы с Моней поедем за клеткой.

Никона Тимофеевича дома не оказалось, и мы еле-еле дотащили клетку до причала. Но выяснилось, что она не входит ни в одну из лодок. Обитая листовым железом, тяжелая клетка грозила перевернуть узкую долбленку. А что же будет, когда в нее еще посадим зверя? Вот ведь беда — перевозка клетки выросла в целую проблему. Главное, на лошади, в объезд озера, тоже не провезти ее — горы, лес. Мы было совсем приуныли, но в это время Моню осенило:

— Знаешь, что я придумал? — воскликнул он.

— Нет, не знаю! — буркнул я.

— Давай сделаем катамаран из двух лодок,— Моня начал с жаром объяснять мне его устройство и перешел даже к изложению истории изобретения этого вида водного транспорта, но я и сам знал, что такое катамаран, поэтому остановил фонтан Мониного красноречия, сказав, что нужно скорее дело делать, и так до вечера провозились.

Мы поставили лодки рядом. Затем взяли три толстые жерди, положили их поперек обеих лодок и крепко привязали к сиденьям: одну на носу, вторую возле кормы, а третью — посредине. На переднюю часть нашего сооружения мы положили старую дверь, валявшуюся возле дома, и приколотили ее к жердям огромными гвоздями. У нас получился скорее паром для переправы автомобилей, чем катамаран — стройное суденышко полинезийцев. Но зато он был предельно надежен.

За весла пришлось сесть обоим, по одному в каждую лодку. Весла оказались разной длины, и наше сооружение при каждом гребке шарахалось из стороны

в сторону. Но потом мы приспособились, и дело пошло лучше, а под конец и совсем хорошо.

Продираться через камыши на своем катамаране мы не рискнули, а объехали вокруг мыса и пристали к берегу метрах в восьмистах от места поимки. Солнце уже совсем низко опустилось к горам, когда мы, наконец, добрались до ребят. Вася и Ося из последних сил удерживали пленника. Сачки были порваны во многих местах. Хорошо, что мы догадались захватить пару запасных — в них и дотащили инк-воя до лодки.

Вечерний ветерок поднял сильные волны, но наш катамаран лишь покачивался на них и медленно, но упрямо продвигался вперед. Домой мы добрались уже в густых сумерках. Клетку со зверем поставили в кустах, подальше от дома. Положили в нее свежих веток ивы, поставили воды в глиняной плошке, а сверху на клетку набросили мешковину.

Итак, на шестнадцатый день нашего путешествия счет стал один-один. А ведь нам нужно добыть по меньшей мере двух инк-воев — самку и самца.

Утром мы как следует рассмотрели пленника. Это был молодой зверь, по определению Никона Тимофеевича, двухлетний самец, темно-бурого цвета, с длинными, почти оранжевыми зубами, не помещавшимися во рту. Маленькие глазки сердито смотрели на нас из густой заросли меха. Зверек неподвижно сидел на задних лапах в самом углу клетки. Передние лапы с длинными когтями были прижаты к груди. Эта сгорбленная фигура чем-то отдаленно напоминала кенгуру. Сходство усиливал большой плоский хвост длиной почти в половину туловища.

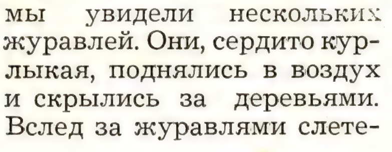
Мы сменили воду и ветки, часть из которых оказалась погрызенной. Было решено вечером отправить бобра на кордон Миасовое, где его можно будет поместить в старую баню. Там несколько лет назад уже жили бобры, привезенные из Воронежского заповедника.

НА МИАСОВОЕ

Вышли рано утром налегке. Все вещи и клетку со зверем Никон Тимофеевич привезет на лошади вечером. С Никоном Тимофеевичем остался Моня, а мы втроем, захватив только фотоаппараты, отправились напрямик, сверяясь с картой. Сперва шли по тропинке, потом свернули в лес. Густые заросли папоротника

были грубыми и ломкими. Они хрустели под ногами, и после нас в густой траве оставалась тропинка. Мы поднимались все выше по склону Ильменского хребта. Вася со своим фотоаппаратом то уходил вперед, то отставал. Мы не торопились: до Миасового не так далеко, а впереди еще целый день. То и дело останавливались, чтобы лакомиться ягодами. Вот прямо из-под ног с треском сорвался выводок тетеревов. Первой с тревожным квохтаньем вылетела старка, за ней почти разом поднялись на крылья молодые. Тетеревята уже начали линять, сквозь детскую одежду у молодых петушков проглядывали черные перья. Метров через сто, возле небольшой густо заросшей речки, вспугнули рябчиков. Рябчики, отлетев метров на десять, расселись по веткам и уставились на нас черными глазами-бусинками. Птицы было много. Мы шли по ягодным местам, к тому же здесь, на склоне горы, много сухих русел, выложенных галькой и песком. Вот птица и запасается на зиму мелкими камешками.

Почти каждая впадина между горами заболочена, и под ногами начинает хлюпать вода. На одном болотце



мы увидели нескольких журавлей. Они, сердито курлыкая, поднялись в воздух и скрылись за деревьями. Вслед за журавлями слете-



ла стайка чирков, притаившаяся где-то среди камышей. Кажется, мы немного переели ягод — уже сводит рот, но руки сами тянутся, чтобы набрать очередную пригоршню. Ягоды всякие — брусника, костяника, земляника, смородина, черемуха, рябина.

На половине дороги, у небольшого ручейка, сделали привал, развели костер, вскипятили в котелке чай, немного закусили. Ося решил подремать, а мы с Васей пошли вверх по ручью искать минералы. В путеводителе сказано, что где-то в этом районе должна быть корундовая копь. Мы нашли ее метрах в двухстах от нашего лагеря. Копь представляла собой старую, заросшую по краям выработку метров семи длиной, трех — шириной и около полутора метров глубиной. На дне выработки проходила жила с корундом, мощностью примерно в метр. Среди желтоватого полевого шпата попадались бочкообразные голубовато-зеленые кристаллы корунда величиной до двух-трех сантиметров. Выколачивать кристаллы из самой жилы было невозможно, и мы разбивали куски шпата, валявшиеся на отвалах, и выковыривали из них кристаллы. Васе везло больше, чем мне. Он нашел несколько крупных, правильно ограненных кристаллов, а в конце концов выколотил изумительный по красоте кристалл василько-во-сапфирового цвета. У меня даже в животе заныло от зависти, но сколько я ни колотил, ничего подобного не нашел.

Когда мы вернулись обратно, костер уже потух, а Ося сладко спал, свернувшись калачиком. Стоило нам показать ему свою добычу, как он схватил молоток и побежал за корундами.

Корунд — минерал, состоящий из алюминия и кислорода. Интересно, что один из самых мягких металлов — алюминий, соединяясь с кислородом, образует второй по твердости минерал на земле (тверже корунда только алмаз). Корунд бывает различной окраски — синий, красный, зеленый, фиолетовый. Прозрачный, красиво окрашенный корунд известен как драгоценный камень. Это — красные рубины и голубые сапфиры. Цвет корунда зависит от примесей: хром дает красные тона, железо и титан — синие.

Дальше путеводитель обещал нам копи роговой обманки, графита, полевого шпата и нефелина. Инте-

ресно, что эти, в общем широко распространенные минералы, встречающиеся буквально повсюду, образуют в Ильменах интересные кристаллические разновидности. Вместо обычных маленьких кристаллов роговая обманка, например, образует здесь длинные (до метра), тонкие, как нити, причудливо изогнутые зеленые кристаллы.

У нас для образцов был только один рюкзак. Скоро его пришлось нести по очереди, подставляя спину под удары острых угловатых камней. Но это нисколько не охлаждало пыла собирателей. В общем, если рано утром мы вышли с кордона Ишкуль налегке, то вечером пришли на кордон Миасовое тяжело нагруженные и изрядно уставшие. Моня был уже там. Он успел занести в комнату все вещи и даже не поленился приготовить вкусный ужин.

На Миасовом мы устроились неплохо. Нам отвели в двухэтажном деревянном доме комнату на втором этаже с отдельным выходом и балконом. Если бы мы захотели, то могли бы получить по комнате на каждого, так как в доме был свободен весь второй этаж. Ситников оставил нам записку следующего содержания: «И. В.! Я приеду третьего, пока устраивайтесь и обследуйте Таткуль. Бобры скорее всего живут в восточной части, но точно неизвестно, так как они уже сменили несколько мест. С приветом Ситников».

Ну, что же, завтра пойдем искать. Может быть, повезет еще раз!

В наше распоряжение выделили огромную лодку, построенную, по-видимому, еще во времена Ноя и явно рассчитанную на всемирный потоп. В этот ковчег можно было поместить, если не каждой твари по паре, то всю нашу экспедицию вместе с клетками. К сожалению, лодка сильно текла, и все наши усилия по конопачению щелей привели лишь к незначительному уменьшению притока воды. Но плавать на ней все же можно — спасают огромные размеры. Когда там еще просочится десяток-другой ведер воды, а уж пару-то часов можно плавать смело.

Вася, не участвовавший в первом испытании водолазного снаряжения и соблазненный нашими восторженными рассказами о подводном царстве, решил посмотреть на него своими глазами. Моня вызвался его

сопровождать. Погрузив все снаряжение на наш дредноут, мальчики отправились в ближайший залив. Там на мелком месте им и нужно было спускаться под воду, но Вася почему-то решил совершить спуск на глубине. Или он не учел печального опыта первого погружения или, как говорится, хотел взять быка за рога, не знаю. Только Васина подводная прогулка во всех подробностях повторила Монино погружение с той лишь разницей, что шланг, привязанный к лодке тонкой бечевкой, оторвался и пошел на дно, утянув туда же и шлем вместе с водолазом. Вася-то вынырнул, а вот все подводное снаряжение осталось на глубине семи метров. Там оно и лежит по сей день.

ИНК-ВОЙ — ВОДЯНОЙ ЗВЕРЬ

Сегодня я дежурный и остался дома. Всем идти на поиски нет смысла, первую разведку можно провести и втроем, а дома дел много. Нужно разобрать вещи, написать подробный отчет о проделанной работе, ну и, конечно, приготовить обед. А приготовить обед не такое простое дело, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что мы почти месяц питаемся рыбой. Она нам надоела — вареная, жареная, печеная и даже копченая. Хочется мясного, хотя бы консервов. Сейчас мы жалеем, что не купили их в достаточном количестве, но когда собирались, то мечтали только об ухе и жареной рыбе. Решил сходить к наблюдателям, но у них мяса тоже не оказалось, они мне опять же предложили рыбу. Идя обратно, я встретил лесника, который возвращался с обхода и нес ястреба-тетеревятника. Мы остановились, поговорили о хищниках, которых нужно уничтожать, о бобрах, которых нужно ловить, и пошли каждый своей дорогой.

Я нес ястреба, подаренного мне, и думал: что же мне делать с ним? Снять шкурку и попробовать набить чучело или просто взять одни крылья? И вдруг мне пришла в голову мысль сварить ястреба на обед. Птица «чистая», падалью всякой не питается, ловит только живую дичь. Кроме того, я где-то читал, что мясо у него довольно вкусное. Эх, была не была!

Обед вышел на славу. На первое я приготовил щи из щавеля со сметаной и яйцом. На второе — тушеную картошку с ястребом.

Ребята пришли часа в четыре мокрые и уставшие. Бобров они не нашли. Обед приняли с восторгом, особенно ястреба, которого я выдал за курицу. Мясо у ястреба оказалось очень нежное и белое. После того, как от «курицы» остались одни кости, я показал на крылья и когтистые лапы, а сам подвинулся на всякий случай поближе к двери. Бить меня не стали, а даже похвалили. Правда, Моня почему-то раздумал доедать картошку, оставшуюся у него в миске.

На следующий день пошли на поиски все вместе. Таткуль представляет собой круглое, как блюдце, озеро с болотистыми берегами, сплошь заросшими мелким осинником, сосняком и камышом. Оно находится в стадии умирания и в конце концов превратится в торфяное болото.

Обойдя озеро, мы углубились в лес, окружающий его. Чем дальше мы шли, тем ниже становились деревья. Скоро почва под ногами стала качаться. Мы вырубили себе по длинной жерди для прощупывания дороги и двинулись дальше.

Севернее того места, где ребята вчера искали бобров, мы наткнулись на следы их деятельности: кругом торчали короткие пеньки, валялись обгрызки стволов, во все стороны, прорезая плавающую торфяную подушку, разбегались каналы с черной, как нефть, водой. Но следы, к нашему огорчению, были очень старые.

Мы стали пробираться дальше на север. Идти было очень трудно. Приходилось перескакивать с кочки на кочку, цепляясь за качающиеся тоненькие деревца, поминутно рискуя угодить в тину. С кордона мы вышли сравнительно поздно, часов около одиннадцати, в хорошую солнечную погоду, но часам к четырем небо затянуло тучами, стал накрапывать мелкий дождик. А мы все еще не могли найти никаких признаков недавнего пребывания бобров. Дождь почти перестал, но все небо было по-прежнему закрыто низкими густыми облаками. Мы не захватили с собой ни одного компаса, считая, что, заблудиться здесь негде: озеро всего в двух километрах от дома. Но сейчас компас нам очень бы пригодился, потому что в пасмурный день в лесу, особенно когда прыгаешь с кочки на кочку, трудно выдержать правильное направление. Стало еще темнее, а мы все не можем выбраться из болота. Но вот нако-



нец под ногами снова твердая почва. Все повеселели. Перевалив небольшую горку, мы неожиданно увидели открытую воду.

Пришлось устраиваться на ночлег на «острове». Здесь относительно сухо и можно выбрать место для постели. Снова пошел дождь. В самой гуще осинника мы устроили из плаща и веток какое-то подобие навеса. Из травы сделали постель, накрыли ее другим плащом и улеглись, прижавшись друг к другу. Неуютно и холодно, но хоть не мочит сверху. Монотонно шумит по веткам мелкий дождь, да изредка звонко шлепаются в воду сорвавшиеся с ветки капли.

Проснулся я от холода и долго не мог сообразить, где нахожусь. Рядом сладко сопел Ося, ворочался и что-то бормотал во сне Моня. Я осторожно, стараясь не разбудить их, выбрался наружу. Дождь кончился, видимо, давно. Небо очистилось от туч, и на темной воде ярко светилась дорожка луны. Стояла какая-то неживая тишина — ни шелеста листьев, ни плеска воды. Вдруг эту тишину нарушил звонкий и резкий, словно выстрел, звук — удар по воде. Эхо, отскочившее от другого берега, принесло его обратно. Снова все стихло. Затем раздался треск, и где-то поблизости, по-видимому, на другой стороне «острова», рухнуло на землю дерево. Из-под навеса высунулась голова Васи. Он протирал платком очки и близоруко таращил на меня глаза.

— Что это? — спросил он меня.

— Наверно, бобры.

Моня и Ося продолжали спать.

— Пойдем посмотрим! — предложил Вася.

Мы стали осторожно пробираться сквозь заросли. Метров через пятьдесят они кончились. Перед нами лежала заросшая камышом пойма, на которой серыми кучами высилось несколько бобровых хаток. Вот, оказывается, где они поселились! Мы с Васей тихонько сели на землю и стали наблюдать. Метрах в двадцати от нас у поваленной осины возился бобр. Из-за веток нам не было видно, что он делает. Но вот зверь опустился в воду и поплыл к хатке. Бобры устроили свое поселение на плавающем ковре торфа, корневищ и осоки. Между колонией и нашим «островом», заросшим осинником, лежал небольшой заливчик чистой воды. Дальше к берегу от хаток шло несколько каналов.

Вот со стороны колонии в нашу сторону направился инк-вой. Мы замерли, стараясь не дышать, чтобы не спугнуть зверя. Бобр вылез на берег и сел на задние лапы, опершись на хвост. На фоне лунной дорожки нам хорошо был виден его сгорбленный силуэт. Несколько минут зверь сидел у кромки воды, прислушиваясь к ночным шорохам. Не обнаружив ничего подозрительного, он тяжело заковылял к одиноко стоящей осине, смешно переваливаясь с боку на бок. Подойдя к дереву, бобр встал на задние лапы и, упершись в него передними, начал грызть. Из-под резцов, словно из-под рубанка, во все стороны полетели стружки. Бобр, не убирая передних лап с дерева, стал тихонько обходить его вокруг. Минут через десять осина диаметром в тридцать сантиметров рухнула на землю. Не откладывая дела в долгий ящик, бобр начал очищать ее от веток. Мы не заметили, откуда появились еще два зверька. Они были вполовину меньше первого. Втроем бобры довольно быстро очистили дерево. Затем большой бобр отгрыз от вершинки обрубок длиной около метра и покатил его к воде.

Молодые зверьки тоже трудились над деревом, выбирая ветки по своим зубам. Они всеми действиями явно подражали своему родителю. Позади нас затрещали сучья. Бобр, возившийся у дальней осины, с силой шлепнул хвостом по воде и нырнул. Где-то вдалеке

ему ответил второй, третий шлепок, и все стихло. Оказывается, это было предупреждение об опасности: из зарослей вылезли наши приятели.

— Вы куда пропали? — простуженно просипел Ося. — Мы уже думали, вы утонули?

— Эх вы, бегемоты, всех бобров распугали! Мы тут уже часа два наблюдаем, — с досадой ответил Вася.

Стало совсем светло. Из-за леса высунулся кончик красного, как огонь, солнца. Пора выбираться отсюда. Все ясно: колония устроена так же, как и на Шитовском озере, бобров здесь не взять, так как невозможно перекрыть выходы.

Обратную дорогу нашли быстро. Мы с Васей были довольны. Еще бы! Такое не часто увидишь. А Ося и Моня завистливо ворчали. Они замерзли и не могли разделить наш энтузиазм.

На базе мы застали Ситникова и доложили о наших успехах. После всестороннего обсуждения вопроса пришли к общему выводу: пора поиски кончать, а единственного пойманного зверя выпустить. Мы сделали все, что в наших силах, но бобры оказались хитрее нас.

— Вы когда собираетесь домой? — спросил нас Ситников.

— Да дня через два-три. Еще порыбачим здесь, — ответил я.

— Очень хорошо, послезавтра вечером сюда придет машина, она вас прихватит на обратном пути. Ну, будьте здоровы, не забудьте оставить в конторе отчет.

Мы снова остались одни. Стало немножко грустно, кончилась наша «великая» охота, кончились заботы и волнения, связанные с ней, осталась какая-то пустота, хотя впереди было несколько дней отдыха.

БУРЯ

Моня с Осей, как всегда, еще с ночи уехали рыбачить, а мы с Васей отправились за камнями. Правда, наша коллекция и так разбухла до невероятных размеров. Как мы увезем все это домой? На этот раз наш «улов» был небогат, мы не ходили далеко, так как собрались сегодня еще побывать в гостях у бобров. На Миасовом бобры построили плотину, и мы хотели посмотреть на это сооружение.

Озеро Миасовое занимает площадь около тридцати квадратных километров.

Мы выехали туда часам к одиннадцати. Отправились все вместе, потому что Ося и Моня уже вернулись с рыбалки, которая была неудачной. Озеро все время меняет свой вид. Оно, как человек, то сердито хмурит брови, то расплывается в веселой улыбке. Наша посудина тихо покачивалась на небольших волнах. Мы гребли не спеша.

Ветер подул неожиданно. Он налетел сбоку, словно сорвавшийся с цепи пес, и заревел и залаял вокруг нас в хаосе волн и пены. Ветер подхватил нашу неуклюжую посудину, поставил ее боком к волне, и не успели мы оглянуться, как лодка черпанула бортом огромную порцию воды. Моня, сидевший на корме, каким-то чудом двумя гребками кормового весла сумел поставить лодку поперек волны. Сейчас ветер дул нам в спину.

— Черпай! — заорал на нас Моня. Мы с Осей (Вася сидел на веслах) начали поспешно выплескивать консервными банками перекатывающуюся по дну лодки воду. Огромные серые волны с пенистыми макушками налетали, захлестывая корму. Вода прибывала, с каждым ударом волны лодка опускалась все ниже и ниже. Ося, оборвав шнурки, сдернул с головы прорезиненную зюйдвестку и начал черпать воду ею. Я последовал его примеру. Дело стало подвигаться лучше — в шапку входило литра три, это не консервные банки.

Ветер гнал нас все дальше и дальше от берега. Даже если бы мы сумели повернуть свою плоскодонку в обратную сторону, у нас не хватило бы сил выгрести против ветра. Волны выбивали весла из рук,



и приходилось напрягать все силы, чтобы делать сильный гребок, иначе лодка переставала слушаться руля, и Моня начинал пронзительно кричать и ругаться.

До противоположного берега оставался еще почти километр. Мы уже по два раза сменились на веслах, а Моня все бессменно сидел на корме, выгребая коротким кормовым веслом. Он очень устал, но, когда я хотел сменить его, Моня решительно отказался. Да и правда — лучше его никто не справится с лодкой. Он ведь у нас заядлый яхтсмен. Берег приближался, уже стали видны гладкие лепешки гранитных валунов, устилающих берег. Повернуть некуда, придется высаживаться здесь. Когда до берега осталось метров сто, лодка неожиданно вильнула в сторону. Это Вася неловким движением весла резко повернул ее. Уставший до предела, Моня не сумел быстро выправить положение, и первый же налетевший вал захлестнул лодку, до половины наполнив ее водой и пеной. Следующая волна отправила лодку на дно. Мы приготовились плыть, но оказалось, что дно под ногами. Нам повезло. Узкая подводная коса, состоящая из гладких отшлифованных волнами камней, далеко вдавалась в озеро. Мы побрели по ней к берегу, таща за собой всплывшую лодку.

Ветер стих только к вечеру. К этому времени мы высушились у костра и отдохнули. Обратно добрались без всяких приключений, но плотину инк-воев в этот день так и не увидели.

Ночью ударил первый заморозок, а с обеда начался мелкий противный дождь. Он шел до конца дня, всю ночь и весь следующий день. Мы никуда не выходили, а разбирали и упаковывали вещи. Вещей стало меньше, потому что клетки решили оставить здесь. Может быть, они еще понадобятся будущим экспедициям.

Пришла машина, которая должна прихватить нас. Выехали утром. Дождь все еще не прекратился, но нам он сейчас не страшен. Мы сидим в фанерной будке, поставленной в кузове, и выглядываем из нее, словно мыши из норы. Дорога размокла, машина с трудом тащится по грязи. Километров за пять до базы догнали группу туристов. Они угостили нас папиросами, мы предложили подбросить их до базы. Но они категорически отказались — нельзя, у них маршрут. Рюкзаки все же отдали.

— Ну, пока! — помахали мы им рукой и поехали дальше.

В этот день нам повезло еще раз. В Свердловск уходила почти пустая машина, и шофер взял нас.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

С тех пор прошло ровно десять лет. Мы немного постарели, и сейчас всем нам вместе уже давно за сто. Все бобрятники кончили институт и разъехались в разные концы земли русской. Ося бродит в Забайкальской степи, ищет клады, что запрятала природа миллионы лет назад. Моня с этой же целью летает вдоль Охотского моря. Вася затерялся где-то в южных степях. Ему некогда, он разведывает новые месторождения железа. Даже Юрка за это время успел отслужить в армии, кончить институт и сейчас конструирует новейшие радиоприборы. Я остался верен Уралу и брожу по его старым хребтам. Раз в несколько лет мы собираемся в Свердловске, рассказываем о новых местах и встречах и всегда вспоминаем Ильменские горы, голубые бездонные озера, густые леса и, конечно, инк-воев. Кстати, в Сысерть их так и не завезли. Энтузиастов больше не находится. Может быть, причина в нашей неудаче, а может быть, охотники вообще разуверились в возможности отлова зверей.

А ильменские бобры уже кое-где выходят за пределы заповедника, занимая все новые и новые места. На Урале сейчас три района обитания бобров — Северо-Кондинский и Ильменский заповедники и Шалинский район на западном склоне Уральских гор, где не так давно были выпущены эти звери и где они хорошо прижились. Но хочется думать, что пройдет не так уж много лет, и бобры, эти древние обитатели наших лесов, займут свои старые поселения и станут жить на всех маленьких речках и озерах.



39 | 8

48

39

64

215



Цена 10 коп.